

Сергей Минутин

СКУЛЬПТОР И СКУЛЬПТУРЫ

Сергей Минутин

Скульптор и скульптуры (сборник)

«Минутин Сергей»

2016

УДК 821.161 - 7
ББК 84 (2 Рос=Рус) - 44

Минутин С. А.

Скульптор и скульптуры (сборник) / С. А. Минутин — «Минутин Сергей», 2016

ISBN 978-5-902390-18-3

«Остров невезения» – авантюрно-приключенческая повесть об эволюции человечества. Повесть написана в редком жанре «магического реализма», что ничуть не умаляет острой социальной сатиры с реальными свидетельствами человеческой истории. Повесть «Надеждин» создана в жанре «реализма магического», но с той же сутью. Обе повести прекрасно укладываются в слова песни Геннадия Балахнина: Мать Россия! В пору быть! Подскажи, как дальше жить! Можем мы тебя прославить! Можем попросту пропить! Впереди орёл курлычет! Серп и молот за спиной! А с небес Иисус нам тычет! Исторической виной! Но «русский дух», о котором так много говорят, – есть. Жить в духе трудно, но интересно. Эта книга о странных людях, живущих в России и в русском духе.

УДК 821.161 - 7
ББК 84 (2 Рос=Рус) - 44

ISBN 978-5-902390-18-3

© Минутин С. А., 2016
© Минутин Сергей, 2016

Содержание

Остров невезения	5
Введение	5
Глава первая. Начало	6
Глава вторая. Сказка действительности[1] (Небесная разведка)	12
Глава третья. Зарождение демократии на острове	14
Глава четвёртая. Острова в стране опыта	15
Глава пятая. Демократия на острове	17
Глава шестая. В это же время в Америке...	24
Глава седьмая. Переходный период	27
Глава восьмая. Внутреннее министерство страны опыта (сыскной отдел)	29
Глава девятая. Диктатура на острове	33
Глава десятая. Послесловие к написанному	36
Часть вторая	38
Глава одиннадцатая. Застой	38
Глава двенадцатая. Родина	39
Глава тринадцатая. Застой – продолжение	45
Глава четырнадцатая. Остров странности	47
Глава пятнадцатая. Записи О. Бендера	48
Глава шестнадцатая. В стране опыта	49
Глава семнадцатая. Диалоги на Острове	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Минутин

Скульптор и скульптуры

Остров невезения

Введение

От автора...

Человек я по натуре мрачный, угрюмый, малообщительный. И всегда считал, что внешний мир мало чем отличается от моего внутреннего, что собственно правильно. Дальше интересней, хочешь изменить мир внешний, меняй свой внутренний. Легко сказать: «Меняй», но кто поможет?

Наверное, мне повезло, а может случай. Так или иначе, я встретил учителя Сидорова Владимира Павловича, который мне многое объяснил и женщин с прекрасным чувством юмора, с очень тонким чувством аналогий всех времён и народов. Возможно, они сами об этом до сих пор не знают. Есть ещё великая русская классика. Все вместе – Мы, великий и могучий русский народ, одно целое, нерушимое, вечное...

Но у нас тоже есть недостатки...

Данный труд, скорее о недостатках, которые являют собой скрытые достоинства.

Глава первая. Начало

Начну с банального: «Всё имеет свой конец, своё начало», хотя где-то здесь заложена вечность. Собственно на этом можно и закончить, но как путешественника манят неизведанные дали, историка тайны прошлого, учёного новые открытия, так и литератора манит всё из того, что манит всех остальных. Но есть существенная разница, литература не знает постоянства, потому что она, как и Любовь, как и Красота, во всём и везде. Сначала было Слово. Сколько слов произнесено с сотворения Мира, но видимо недостаточно для того, чтобы понять: «Планета, которую мы заселили, столь прекрасна, что даже ступать по ней надо бережно и с любовью. А мы что с ней делаем? А что мы делаем с собой?»

Начнём с начала конца. На одном из степных курганов, где-то посередине моря или океана, горели яркие костры. Вокруг костров ютилось несколько археологов и могилокопателей. Лица у них горели, а спины мёрзли. Впрочем, иногда они поворачивали к кострам спины, и тогда мёрзли лица.

Вся экспедиция находилась в состоянии глубокой депрессии. От кургана практически ничего не осталось. Копатели его перерыли, перещупали, пропустили через сито и ничего не нашли. Более того, они углубились далеко под землю и теперь работали в кратере, видя даже днём звёзды на небе.

Так прошло лето, заканчивалась и осень. Слышу возражения по поводу степного кургана посередине моря, археологов и могилокопателей, ищущих предметы старины в глубинах земных. Думаете, так не бывает? Бывает, ещё как бывает!

Проводить ещё и зиму на этом обдуваемом всеми ветрами и омываемом всеми морями и океанами острове никому не хотелось. Начальник экспедиции не знал, чем можно вдохновить копателей, особенно после отъезда из лагеря студенток-практиканток. С их отъездом экспедицию покинуло состояние счастья и вдохновенного труда. Начальник экспедиции, как заговорённый, каждое утро повторял: «Ну что, братки, надо работать», чем всех злил невероятно.

Археологи с трудом выползали из своих палаток и по верёвочной лестнице спускались в яму, где разбрелись по своим местам и продолжали спать, устроившись как придётся. Дни ещё кое-как проходили, но вечера стали просто не выносимы. Проблема ещё заключалась в том, что в экспедиции остались одни мужики. Они как лесные лешие, обросшие и небритые, бродили вечерами по лагерю в ожидании ужина. Ужин тоже был весьма «тоскливый». С отъездом студенток от ужина оставалось только ощущение тяжести. Да и жрать археологам было нечего, кроме круп и просроченных консервов. Отправившее их на этот остров начальство совсем о них забыло, а экспедиционное начальство о них никогда и не думало.

Особенность экспедиции состояла в её многонациональном составе и поставленной верхним археологическим руководством задачи. В свою очередь, перед верхним археологическим руководством была поставлена грандиозная задача ещё более верхним руководством – самим Правительством.

Правительство страны опыта слилось в экономическом экстазе с другими странами, да так и застыло в раскорячку. С одной стороны «раскорячки» были согласные олигархи. То есть те, кто «имел» это самое правительство, как и когда хотел. С другой стороны, не согласные с олигархами. Последних, несогласных, олигархи через правительство «по-тихому», но эффективно, «мочили», «лечили», «кошмарили» и «обугливали». Но несогласные всё чаще стали вспоминать свои прошлые жизни и делать разные намёки согласным, проводя при этом ладонью по горлу. Правительство истолковывало данный жест, как приглашение выпить, но согласные были более дальновидны и считали данный жест опасным. В кулуарах они даже поговаривали о Бастилии и гильотине, и окапывались в местечке со звучным названием Переделкино.

Этот явный факт недовольства со стороны несогласных привёл членов правительства к мысли перейти от «добычи», на языке согласных или разворовывания, на языке несогласных, божьих ресурсов, к изучению основ мироздания. А мироздание в умах всех правительств, как всем известно, укладывается в два слова: демократия и диктатура. А останки мироздания, как тоже всем известно, ищут археологи и могилокопатели.

Археологическому управлению, под присмотром правительства, предстояло выяснить, что же первично: демократия или диктатура, так как правительство страны опыта, в которой всё это происходило, хотело раз и навсегда понять, что надо «строить» или как надо «тырить». Более того, в бюджете этой страны появились деньги, которые специально выделили на эти цели и, которые надо было срочно потратить «по уму». Быстренько была сварганена национальная программа по спасению всей страны сразу, чтобы не растратить бюджет по мелочам.

На самом верху, где двуглавые орлы держали в своих когтях рубиновые звёзды, а до наших, описываемых времён, наоборот, двуглавым орлам эти самые звёзды впивались в задницы так, что они и крылышками махать не могли. Так вот, на самом верху, где правительству сияли шестиконечные звёзды, слегка подкашиваемые полумесяцем, на самом верху, где над всей этой конструкцией всё ещё нависал молот с серпом, сильно задумались: «Кто мы?», «Где мы?», «Куда дальше?». Вопросы были старые. Ответы, которые давали на них учёные страны опыта, всегда были не правильными. Правительство решило получить правильные ответы, пусть и на неправильно поставленные вопросы, и выписало мудреца....

Выписанный из «святой» земли пророк – колдун, маг и волшебник, уединился в отведённый ему кабинет, уселся в огромное чёрное кресло, задрал ноги на стол, положив их между двумя телефонами. На одном телефоне вместо «наборника» была эмблема орла о двух головах, на другом эмблема пшеничных снопов, перетянутых лентами, и весь земной шар прижатый серпом и молотом. Маг, так звали мудреца в том правительстве, торчащим из красного рваного носка большим пальцем левой ноги тыкал в земной шар, а другим большим пальцем, торчащим из рваного, линялого носка правой ноги, пытался ерошить холку орлу. Иногда он менял ноги и нашёптывал: «Видимо, с тем, что первично Дух или Материя они уже разобрались», – и посматривал на свои роскошные часы с бриллиантами. Кроме часов у мага была и свита. Маг хорошо знал правительство страны опыта и его оценочные критерии: телохранители, слуги, мигалки и нескрываемое хамство. Одним словом, у мага, как и у всякого приличного колдуна, была своя команда. Рядом с командой мага, «отдыхали» не только министры этого правительства, но даже «оборотни в погонах», не говоря о других мелких слугах народа.

Свиту мага описывать бесполезно, её представители каждый день меняли лица, одежды, нравы и даже привычки. То они были ласковы и обещали роскошный отдых в «святой» земле всему правительству. То, наоборот, пророчили всем жизнь на ледяном айсберге. Сколько их было, определённо сказать невозможно. Верховному правителю казалось, что их количество равно количеству членов этого правительства. По этой причине и деятельность правительства, во время пребывания в нём мага, была полностью парализована.

От свиты мага исходило много шума и неприятностей. Они развозили грязь по правительственным кабинетам. Гадали «на судьбу», проливали кофейную гущу на министров и задирали юбки их секретаршам, и даже ставили подножки премьер-министру и некоторым силовикам, отвечавшим за безопасность мага и потому подходившим к нему слишком близко. Пугали всех анафемой и фигой, а более всего золотыми цепями, которые красовались на каждой шее. Вдруг свита мага пропала также внезапно, как и появилась.

Маг вышел из кабинета, зевнул и велел принести карту мира. Он ткнул пальцем в карту и прорычал: «Рыть здесь – там ответ». Ткнул он пальцем почти в морскую или океанскую пучину, но далеко не тёплого моря или океана. Поэтому у правительства интерес к этому серьёзному делу быстро пропал. Оно, конечно, интересно знать, что первично, а что вторично, но при этом ещё и мёрзнуть, а главное не участвовать в процессе спасения населения данной страны, это

слишком! Но, выход был найден быстро. Какой-то аксакал из правительства вспомнил давно забытую песню «если надо, значит надо» и произнёс: «Раз надо рыть, значит надо рыть».

Силовики его поддержали: «Что рыть, что мочить», – и предложили отправить рыть самых проверенных и закалённых граждан этой страны – могилокопателей, работников той профессии, которая в этой стране преобладала. Возразил министр внешних связей, он сказал: «Что в принципе он за, но международный престиж требует хотя бы изменения названия могилокопателей на археологов». Разницу между ними в правительстве не понимал никто, поэтому все и сразу согласились.

Одновременно объявили мобилизацию, комсомольскую стройку, единство народа и многое из того что удалось вспомнить по случаю предстоящего торжества или кампании.

Во главе экспедиции, направленной на «рытьё» поставили археологов, чтобы не уронить международный престиж. Правда, денег в этой стране было больше у могилокопателей, более того, их паханы проявили интерес к экспедиции. Интерес был сразу замечен, и правительство, учитывая внутреннюю обстановку в стране, добавило к мобилизации конкурс и за взятки сколотила сплочённую и единую, как вся страна, команду, разбавив её мобилизованными археологами.

Заметим, что ещё одним условием, которое озвучил Маг, он же волшебник, было: обязательный многонациональный состав экспедиции. Он так и сказал в правительственном кабинете: «Вам, вора́м, народ не поверит, в каком бы составе вы туда не отбыли. Много национальностей – много раздора. Много раздора, где-то истина».

Правительство той страны, слова мага на его счёт даже не удивили, а на счёт раздора, так правительство с магом было полностью согласно. Ибо, давно призывая к единению, сеяло этот самый раздор. Но тут был случай особый, что первично: диктатура или демократия. Да и поле раздора, понимаешь, переставало их кормить.

Кроме того, в этой стране стали происходить странные вещи. Только правительство наворует много денег, вдруг в какой-либо части этой необъятной страны случится странность, в виде катастрофы или катаклизма, и если хочешь быть правительством, надо нести туда чемодан денег. А деньги – то «свои», наворованные «честным трудом». А для мелких правительственных слуг настали вообще страшные времена. Только слуга возьмёт безвредную взятку за выдачу ордера на квартиру или за прописку на право проживания в этой стране, как вдруг взрывается та квартира, или прописавшийся окажется террористом. Так и пошло. Взятка – террор – тюрьма, или ещё хуже: взятка – террор – ад. Впрочем, о последнем своём приюте слуги народа – взяточники ничего ещё не знали, но в правительстве уже начинали догадываться. Одним словом, правительство решило поработать на общее благо и исполнить волю мага и волшебника, придав его воле форму программы и окрестив её национальным проектом.

Состав экспедиции набирали довольно быстро. Правда, пришлось следовать традициям и идти на хитрости. Так как, в этой стране никто толком не знал, какой он является национальности, то сделали запросы во все государства мира с просьбой прислать по одному чистокровному археологу или магилокопателю для спасения страны опыта и вхождения её во всё мировое сообщество. Правительства других государств даже обиделись на такую просьбу, ибо во многих из них уже не бились за чистоту рядов, поэтому в этой просьбе усмотрели, что-то недоброе, но отказывать не стали, решив что чужой дури потакать выгодно, а особенно заниматься чьим-то спасением.

Правительство страны опыта споткнулось на русских, американцах и евреях.

Вызванные представители от этих стран не проходили необходимые, подтверждающие их национальность, тесты.

Американцы несли всякую чушь, утверждая, что произошли от диких инопланетян, хотя и совсем недавно высадившихся на их континенте, каких-нибудь 200 – 300 лет тому назад, где-то в районе Калифорнии. В стране опыта дикость американцев признавали, а инопланетян в

них нет. Назревал международный скандал. Как так, есть огромная страна, многочисленный народ, но нет национальности!

С русскими было ещё хуже. Присылают на тестирование кандидата смуглого кожей, с узкими глазами, кольцом в носу, серьгой в ухе и кудрявыми волосами на голове. На вопрос о национальности он начинает рассказывать, что за границей не был, воздухом свободы дышал только на Родине, ибо раньше не выпускали, а сегодня нету денег. Этих кандидатов можно было резать на ремни, жечь калёным железом – всё одно «не был, не состоял, только русский...».

Радовали только кандидаты провозглашавшие себя евреями, но смущал их многоликий вид и желание непременно возглавить экспедицию.

Правительству страны опыта повезло, в его рядах был рыжий эталон еврея. Он то и дал правильный совет, предложив провести марафонский забег по пересечённой местности с заданной целью. Так и сделали.

Правительство страны опыта выстроило на старте всех кандидатов от русских, американцев и евреев, а на финише поставило чемодан с деньгами. Пистолет «стрельнул», свисток «свистнул», и народ побежал.

Вперёд вырвались русские, им на пятки наступали американцы. Бежавшие позади всех евреи споткнулись о своего лидера, и все упали, но лидер устоял и вырвался вперёд, хотя и сильно отстал от русских и американцев.

Проблема марафона по пересечённой местности как раз и состоит в том, что вся местность пересечённая. Русские не увидели правильного указателя и побежали по другой дороге, так как побежали все, то пропали и сомнения в их национальности.

Американцы, чтобы быть в «плюсе», разделились на две группы. Одна побежала «правильной» дорогой, другая – за русскими, мало ли чего.

Лидер евреев бежал один, остальные сильно от него отстали, но он видел, куда побежали русские и увязавшаяся за ними часть американцев, и решил туда не бежать, а увязался за «чистокровными» американцами, больше походившими на немцев, тем более, что их теперь стало в два раза меньше.

Аутсайдеры забега, оставшиеся кандидаты в евреи, решив, что их лидер знает, что делает, и в итоге всё равно всех пристроит, перешли на шаг и начали рассказывать друг другу анекдоты на тему: «где вы видели бегущих евреев».

Американцы, похожие на немцев, как только перед ними перестали маячить русские, сильно сбавили скорость, и единственный еврей легко их обошёл и первым схватил чемодан с деньгами, чем подтвердил чистоту крови.

Американцы сначала поднимали галдёж, так как видели еврея только со спины, и только когда он их обгонял, и думали, что это русские их обманули, но потом, присмотревшись, успокоились на мысли о том, что если не получилось сразу, то «обуглим» потом.

Надо заметить, что русские прибежали на финиш дружной толпой вместе с евреем и семенящими за ним американцами, но с другой стороны.

Словом, состав экспедиции был укомплектован полностью. Начальником экспедиции назначили представителя, пожалуй, самого неизвестного народа – Бессермянина из деревни Юнда страны опыта. Выбор был не случаен. Этот бессермянен многие годы отстаивал своё происхождение, и не хотел быть никем другим, кроме как бессермянином, хотя предложения были самые привлекательные. Была ещё одна причина его назначения: его предки могли петь одновременно пять разных текстов на одну мелодию, значит могли и слушать пять разных текстов сразу.

Одним словом, экспедицию собрали, снарядили, погрузили на корабль и завезли далеко, очень далеко: рыть землю и искать ответ, что первично – демократия или диктатура.

Так как, в стране опыта, которая их снарядила, уже лет 20 была демократия, а в других и того дольше, а там где демократии не было, была гуманитарная помощь, то и рыть землю

никто не хотел, слишком маленькой была оплата каждого вынутого кубометра. Могилокопатели, впали в тоску, вспоминая родные кладбища, гробы на табуретках и торг над усопшим с его родней на тему: «за какие деньги кого и куда они готовы нести в «последний путь»».

В обещанные гонорары за найденные в земле ценности разных периодов развития человечества, мало кто верил. Во-первых, ещё не известно, есть ли там что-то вообще. Во-вторых, стоит только что-то найти, тут же слетится всё демократическое начальство, и тогда уже точно ничего не получишь.

Прятать находки на острове? Как вывезешь? Никто не гарантирует, что ещё до корабля тебя не подвергнут многочисленным демократическим осмотрам и досмотрам. Словом, все «продвинутые» члены экспедиции, а это была основная её часть, ну... там... американец, англичанин, француз, немец, швед, датчанин, решили, что будут руководить раскопками. Они что-то говорили бессермянину одновременно, а он кивал. Так были созданы департаменты и комитеты, службы и министерства, ну... там по внешней безопасности, по внутренней безопасности, по связям с общественностью...

Еврей возглавил министерство связи и средств массовых коммуникаций, а заодно и финансов, обосновав своё назначение бессермянину тем, что информация о финансах не должна расходиться кроме как между ними двоими. Ну, а так как бессермянин отвечает за весь остров, то и телефонограммы получать и деньги считать ему будет некогда. Но на еврея он может положиться всецело. Для того, чтобы окончательно убедить бессермянина в своей искренности, он взял себе в радисты араба.

Министерство по этике и эстетике возглавил француз. Он сказал, что лучше, чем он, мирные телефонограммы и депеши никто писать не может, и вообще его шарм, а особенно усики над верхней губой, не оспоримы. С ним и не спорили, хороший парень, по крайней мере, в последние 100 лет костры для еретиков не разводил.

Быть осведомителем у бессермянина вызвался представитель какой – то прибалтийской страны. Лукаво сказав, что его маленькая страна уже многие века только и жива, благодаря этому ремеслу, ибо на одной кильке не проживёшь. У этой страны были даже свои взлёты, когда она поддерживала разные режимы в других странах своими «стрелками», а потом их «сдавала» и, своих стрелков и режимы, но падений было больше, ибо режимы объединялись, и приходилось «смаывать удочки».

Кроме «нужных» министерств возникло много новых, например, по развитию археологической науки, по проведению досуга, по развитию связей между мужчиной и женщиной, хотя последних на острове не было и т. д.

Словом получилось так, что почти все стали начальниками. Остался русский, чукча, бедуин, абориген, китаец, которого никто не понимал, и пожалуй всё. Они и стали главными копателями, и именно для обеспечения их деятельности были созданы все эти демократические институты власти на острове.

Надо заметить, особых трудовых подвигов от них не ждали, но привычка работать делала своё дело, и они уже копали глубоко от нулевой отметки, но так ничего и не находили. Этот факт ставил под сомнение всё демократическое управление над островом. Даже в стране опыта могли решить, что если бы копали все, то непременно что-то бы нашли.

Русский как-то обратился к еврею с тем, что и ему бы полезно покопать. На что еврей ответил намёками: «Пока ты, Ваня, копаешь и помалкиваешь, средства массовой информации молчат, и на острове всё спокойно, но если ты, Ваня, копать перестанешь, значит они все начнут обвинять тебя в срыве планов по выяснению, что первично, а что вторично – демократия или диктатура».

Ваня понял, что дело его дрянь, и дальше рыл «без глупых вопросов». Надо заметить, ничего нового Ваня не узнал. До попадания на остров он был приближен к археологическому начальству за сговорчивость и долготерпимость. Ваня часто слышал на планёрках, где и что

раскапывать, а где наоборот закапывать. Самый главный археологический начальник был большим другом рыжего эталона и всегда шутил, вторя боссу и повторяя его слова: «Ваня, твоя губерния роет вот тут, потому что, тут, Ваня, рыть бесполезно, а вот тут Ваня ты не роешь, ибо археологов у тебя до хрена, и разбегаться или помирать сами они не хотят. Если дела у тебя будут идти совсем плохо, будешь получать премии и награды и удвоение ВВП, но а если вдруг начнёшь рыть там, где не надо, то, не обессудь, станешь вором, дураком и пьяницей».

Ваня осознавал мерзость своего положения, но ведь его и приблизили за долго терпимость, а что до гонораров за мерзость, так ведь слаб человек, да и русских ещё оставалось на родной земле много, причём ещё не закопанных.

А с другой стороны, не только на Земле жизнь есть и не случайно на Ваниной Родине говорят: «Никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь».

Глава вторая. Сказка действительности[1] (Небесная разведка)

Чёрный кудрявый Пудель лежал в глубоком кожаном кресле, высунув длинный красный язык. Ему было жарко. Он свесил с кресла обе передние лапы и положил морду на огромное окно, из которого была видна Земля. Делать ему было абсолютно нечего. Не то, чтобы о нём забыли, как можно забыть Шефа разведки по сбору, обработке и архивации земного юмора. Просто на Земле даже повторы стали выглядеть хуже, чем её прежний искромётный юмор-экспромт.

Но Пудель не был бы назначен шефом разведки, если бы впал в уныние. Кобель он был тёртый, и знал, что если на Земле с юмором застой и стагнация, значит на Небе его Руководство занято чем-то более серьёзным, чем медленное скручивание или раскручивание земных спиралей развития. Ещё он твёрдо знал то, что покой – дело относительное даже в Космосе, а уж на Земле, тем более. Сколько их, героических полководцев в разных эпохах и цивилизациях, едва успев отвыкнуть от службы и начав подолгу тянуться на кровати, было отозвано и вновь поставлено в строй.

Так что, пока его Руководство было занято, а на Земле народ воспользовался передышкой и «курил бамбук», ему, красавцу кобелю, необходимо было трудиться, дабы не упустить зарождение какого-нибудь нового юмора на Земле. Тем более, что теперь он знал, почему его, совершенно понятно, чуть не ставшего президентом страны опыта, оставили в обличье клички, хотя и наделили огромными полномочиями. За шутки и оставили до лучших времён.

Лёжа в глубоком кресле, Пудель от вынужденного безделья начал делать открытия. Он обнаружил, что именно сейчас, лёжа в одиночестве, он плодотворно трудится, в то время как на Земле все его собаки-собратья, разлёгшиеся в разных местах, воспринимаются как отъявленные и сытые бездельники.

Тем не менее, начальство молчало. Пуделя клонило в сон, и, чтобы не спать, он тёр себе лапами морду и в большую увеличилку смотрел на Землю, где подсматривал в окно одной из квартир, которую только что занял новоиспечённый министр по внутренним делам, чем он занимается.

По своей картотеке Пудель уже проверил министра на счёт юмора, и оказалось, что юмор у министра отсутствует полностью.

Как не странно, но это пса обнадёживало. Он решил исправить этот серьёзный недостаток, тем более, что человек, ставший министром, возглавил одно из самых весёлых земных министерств – Внутреннее Министерство.

Пудель основательно взялся за его семью, как и положено опытному разведчику. Он в тихую подкинул им свой любимый мультфильм про господина Д, Артаньяна в образе бравого кобеля на службе у Королевы и Короля Франции. Впрочем, королю он служил плохо и занимался лишь «спиливанием рогов» на его голове. Да и работа была не из лёгких, Кобеля окружала свора котов – правдоискателей, состоящих на службе у кардинала Ришелье и Короля Франции, а как же иначе.

Коты к юмору не имели никакого отношения. Так, по крайней мере, считал Пудель, чем поднимал шерсть дыбом на всём кошачьем братстве во главе с Котом Бегемотом [2], который по своему примусу предупредил Пуделя, чтобы тот не хамил, ибо коты чаще трутся у ног Королевы.

Супруга и дети министра смотрели мультфильм с утра до вечера. За ужином супруга давала главе семьи правильные советы, тем более, что для её мужа это Внутреннее дело было абсолютно новым. Когда министр, благодаря жене, детям, мультфильму и Пуделю, а последнему, надо было грехи замаливать, наконец-то, стал чуть-чуть соображать, а для земного мини-

стра и чуть-чуть – это ого-го, Пудель подключился к одному из телефонов министра и голосом его тайного советника, а таковой есть у каждого министра, начал «сливать» ему интереснейшую информацию о днях минувших.

Пудель голосом советника постоянно намекал на то, что для кого-то эти минувшие дни минули, кто – то в этих минувших днях застрял, а кто-то до них ещё и не скоро доберётся, но ему, министру, было бы лучше побыстрее перемахнуть через них.

Пудель был готов подталкивать министра, так как тот задерживал его продвижение по эволюционной лестнице, и ему было не очень весело от того, что его эволюция зависит от кого – то на Земле, во внутреннем министерстве, но куда деваться. Собственно он отрабатывал то, что натворил ранее всё там же на Земле. Но и Пудель всего не ведал, и под своими тайными советами имел в виду только новый свежий юмор по аналогии, так как у него тоже был ПЛАН.

Отсутствие юмора у министра проявлялось во всём, так на всех его телефонах вместо привычного герба с серпом и молотом был герб – Орёл с двух головах. По одному из таких телефонов Пудель и вещал:

«В феврале 1908 г. на очередном заседании российского парламента – Государственной думы третьего созыва – разразился один из тех многочисленных скандалов, которые были так характерны для деятельности этого учреждения: группа левых депутатов внесла запрос председателю совета министров «по поводу незакономерных действий Виленского охранного отделения». Речь шла о провокации: сотрудники охраны переправляли из-за границы и распространяли среди местных революционных организаций оружие и нелегальную литературу...

На защиту охраны дружно выступили «правые и центр»...; в большинстве своём они пытались оспорить главный тезис своих противников, настаивая на исключительности фактов провокации. Тем замечательней была речь Н. Маркова – пожалуй, самого яркого лидера правых: со свойственной ему циничной откровенностью он, по сути, признал справедливость слов Маклакова о провокации как «профессиональном преступлении» и выразил этой преступной деятельности полное своё одобрение... «Невозможно заниматься сыском и вообще делами подобной категории и не пачкаться. Можно говорить: «Или прекратите сыск, уничтожьте всякую тайную полицию, или же примиритесь с этим». Охранка прибегает к подобным средствам вполне оправдано, ибо на извилистой тропе провокаций легче обойти революционеров, легче добиться решающего успеха в борьбе с ними, – вот основная мысль Маркова, встреченная на правых скамьях Думы бурными аплодисментами...» [3].

Как и ожидал Пудель, после общения с ним, единственным решением, которое может принять министр без юмора, это сделать из каждой политической партии отдел своего Внутреннего министерства. Словом, упорядочить процесс, при котором одни отделы выращивают политбойцов – пламенных революционеров, а другие отделы их ловят и сажают, или, по последней моде, отстреливают. Для этих целей при министре вертелся прыткий и столь же «пламенный» революционер из самой революционной национальности.

Вроде, в данной ситуации юмора нет, но это только потому, дорогие читатели, что вы не всё знаете о том, что происходило на острове, как, впрочем, и я.

И вообще, не надо забывать об обратной связи, а то нам, землянам, вечно хочется: всё нам, нам, нам одним. Конец приходит такой халяве, треба делиться.

Глава третья. Зарождение демократии на острове

А на острове, пока Пудель глазел в увеличилку, продолжали рыть землю и искать демократию или диктатуру, как повезёт. И вот, по прошествии времени, члены экспедиции сидели на кургане, всё больше и больше напоминающем кратер, и с тоской глядели вдаль, ожидая корабль, который бы их увёз обратно. Больше всех ныл еврей, он жалобно приговаривал, что во время отъезда в стране опыта была неопределённость с властью, и что в любом случае: демократия или диктатура, смены не будет, и их отсюда никогда уже не заберут. И тогда прощай родня и в Израиле и во внутреннем министерстве страны опыта, а жизнь только налаживаться начала. Когда нытьё еврея становилось невыносимым, к нему приближался радист – араб и прикладывал к его уху наушник, из которого доносились разные шумы из страны опыта. Шумы были вполне прежними: кое-где кое-что упало, утонуло, кто – то где – то пропал, был убит или наоборот нашёлся, многих просто сдуло ветром и унесло водой. Но успокаивали еврея не сами события, а достаточно картавая речь дикторов, из которой он делал заключение, что рыжий эталон всё ещё рулит этой страной, но он кожей чувствовал, что гидравлический усилитель руля уже «спёрли».

Еврей благодарил араба за короткие сеансы связи и каждый раз выдавал ему шенкель. Словом, экспедиция на острове вошла в состояние тоски, ничего неделания и ожидания каких-то непонятных событий. Она, может быть, так бы и вымерла, а что ещё ей оставалось, но в это время из-за горизонта показались чёрные паруса. Паруса были раздуты необыкновенно широко, хотя ветра не было. Бурные волны одновременно догоняли и обгоняли этот странный парусник.

Надо заметить, что парусник не сильно испугал членов экспедиции, почти все они что-то слышали о пиратах, поэтому большинство устремило вопросительные взгляды к голландцу и испанцу.

Испанец проявил завидную выдержку, и весь его облик говорил о том, что он готов помочь, в случае чего... землякам. Голландец почему-то побледнел.

Глава четвёртая. Острова в стране опыта

Читатель, выбравший из целой кучи бульварной литературы, мою повесть, наверное уже скис, думая «ну и галиматья». Но откуда знать и мне и тебя, дорогой, где дела зачинаются, если на Земле, они даже не всегда делаются. Например, космонавты давно гайки в космосе крутят. Но некоторые события имеют своей родиной, точно, Землю. Это я тебе, как военный, говорю.

Итак, примерно в это же время, на одном из островов Курильской гряды, в подземном бункере, на столе, обитом зелёным сукном, сильно поджав под себя ноги, спал человек в форме полковника пограничных войск. Его ноги, в сияющих кожаных сапогах освещала и одновременно согревала лампа под зелёным, цвета сукна, абажуром.

На земле, над бункером, солнце было в зените. Часовой, стоявший на маяке, изнывал под его лучами, и тихонько напевал, глядя в сторону Японии и морские дали:

«Злющее солнце за тучку зайди,
О ёхам – Палыч,
Мы песни поём наши мозги пусты,
Ты нас не бойся»

Часовой бы с радостью поменялся местами с полковником, которого звали Палыч, или зная о том, что командир всё равно спит, и сам бы начал кимарить, но авторитет Палыча не допускал даже рождения такой мысли.

А Палыч спал. Ему до остервенения надоел и этот укрепрайон, и морская рыба, и море-океан, и вообще всё по обе стороны границы. Но служба, переросшая в привычку, крепко удерживала его на месте.

Служба сыграла с ним злую шутку. Однажды он решил, что безопасность России на этой её окраине зависит только от него. Он даже в отпуск не ездил на материк, он вообще не брал отпуск. Правда, с распадом СССР и с учётом его заслуг перед Отечеством, ему разрешили посетить Японию, и года три подряд он на пару недель ездил туда туристом.

От Японии его остров отделяло всего 30 километров. Нейтральные воды начинались в 7 километрах.

Со стороны японцев границу охранял потомок древнего рода самураев Тосихито – Куро.

Надо заметить, что ни русский полковник, ни японский самурай не были разведчиками, конечно, насколько это возможно на границе. Они были простыми служивыми людьми, преданными до мозга костей своим народам, казовые военные. Они были одного возраста и охраняли границы своих государств друг от друга уже лет по двадцать. Потихоньку враждебное отношение между ними, как представителями двух разных стран, сгладилось, и перешло сначала в нейтральное, а затем и в дружеское.

Они довольно часто встречались при выяснении принадлежности задержанных рыболовецких судов, а иногда и сами придумывали повод. А с тех пор, как Россия стала строить демократию и из неё стали всё тащить и тырить, поводы возникали ежеминутно.

Болезнь, в которую погрузилась Россия, была не нова. Причина болезни была, конечно, не в демократии, а в том, что очередной российский клан хорошо подготовился к воровству её богатств, а предлог – это пустяки. В этих условиях русский и японец следовали своим национальным традициям. Японец помогал своим «тырить», а русский, как мог, сдерживал этот натиск воров, причём с обеих сторон.

Полковник спал на столе. Ничего необычного в этом не было. Был ясный день, а ясные дни на границе одинаковые. Ночи бывают разные, в основном бессонные.

Палыч всю ночь пил sake с Куро, обсуждая потепление в отношениях между своими странами. Конечно, о чём они говорили, нам не ведомо, но мысли, которые ими владели, известны, по крайней мере мне, пишущему эти строки. Да и разведка небесная не дремлет.

Куро: Палыч, скоро твои острова, станут моими, я построю на них себе дом, с видом на ваши берега. Ты уж, если будешь взрывать свои подземелья, не сильно усердствуй, не повреди скалы. Я всегда буду встречать тебя как самого дорого гостя.

Палыч: Закатай губу обратно. У нас дураки на царство приходят и уходят, а земля только прирастает. Причём, чем больший дурак пришёл, тем больше земле после него прирастёт. Дураков Россия не помнит. Россия помнит Собирателей, Объединителей: Мономах – Моно, Иван Грозный, Пётр Первый, Сталин – заноза конкретная, ну а эти....

Куро: Палыч, подумай о себе. Какая красота у вас в Подмоскovie, Сибири, на Урале, зачем лично тебе эти острова, или даже Сахалин, там же одна пьянь, беглые зэки и бомжи. Мы сто лет назад приезжали туда фотографировать людскую низость, и сегодня там ничего не изменилось.

Палыч: Куро, ты нашу пьянь не тронь. Я открою тебе самую главную военную тайну. Русский мужик в России в мирное время не нужен никому. Наша власть, причём любая, делает всё для того, чтобы он пил. Гноит его на работе, не платит ему заработную плату, создаёт ему экстремальные условия жизни. Но, всё меняется в военное время. В военное время он становится нужен. Его призывают, одевают, вооружают. Перед ним ставят задачу, его начинают уважать. У него появляется цель в жизни. И тут уж он старается. Не дай Бог стать тебе такой целью. У нас ведь как, внутреннего врага: барина, генерального секретаря, президента и свору окружающих их чиновников – мы ещё терпим, а внешнего не можем терпеть. Терпение требует похмелья. Пока внутренний враг родину не продаёт – пусть себе правит, ну а если решит продать... Наша пьянь – это резерв Ставки Верховного Главнокомандующего.....

Куро: Палыч, ты в последнее время никаких странных звуков не слышал?

Палыч: Звуков не слышал, но видения видел. Но я подумал, что это вы нагледете, прямо перед нами голограмму неизвестного острова поставили.

Куро: Мы тоже самое подумали о вас.

Глава пятая. Демократия на острове

Конечно, голограмму, которую видели два пограничника упившихся sake, чачи, и даже арака, к нашему острову никакого отношения не имеет. У нас самый настоящий остров, как и поставленная задача. Но связь между событиями есть.

Итак, эта эпохальная, историческая, международная, многонациональная, археологическая экспедиция, может быть, так бы и осталась не ведомой народу, если бы недалеко от острова, от нашего острова, не стала на якорь странная, древняя галера под странно раздутыми чёрными парусами. И если бы не чуткие сны пограничников, мимо глаз и ушей которых ничего не проходит, даже миражи, а дальше пошли слухи...

Нос галеры украшала чёрная голова пуделя с высунутым красным языком. Меж ушей пуделя была установлена огромная подзорная труба, в которую смотрел очень приличного вида гражданин, в котором, по-видимому, всё было прекрасно. Он смотрел в подзорную трубу на остров с кратером и, казалось, готовился к его извержению.

Наконец, гражданину надоело смотреть на остров, он развернул подзорную трубу и что-то крикнул в неё. К нему со всех ног подбежали два лихих матроса, почему – то в штатском, хотя оба были перепоясаны португезами, на которых висели наручники, дубинки, носящие в народе название «демократизаторы», кривые ятаганы, наганы и прочие атрибуты весёлой жизни. Их одежда, в сумме, представляла какой-то непонятный гибрид восточных шальваров с картин палехской росписи и европейских смокингов, и даже португези не портили экзотику.

Они дружно дунули в подзорную трубу, превратив её в большую лодку. Лодку спустили на воду и помогли сойти в неё гражданину, который, видимо, был капитаном. Затем двое с галеры так дунули в сторону синего моря, что галера пошла ко дну, а лодка моментально оказалась на островном берегу.

Пока галера тонула, из её трюма гурьбой повалили гребцы. Они бегали по палубе, орали и лихо прыгали в воду, норовив оттолкнуться непременно от красного языка пуделя. Наблюдавшие за галерой с берега члены экспедиции сначала обрадовались надежде на прибывшую смену. Но увидев выбегавших из трюма гребцов, очень смахивающих на пиратов, размахивающих кривыми саблями и орущих АЛЛА, УРА и что-то матом, пришли в ужас. Спокойствие сохраняли только островитяне из состава коренных жителей страны опыта, думая про себя, мало ли что могло произойти на их Родине за время их отсутствия.

Остальные члены экспедиции бросились к радиостанции подавать позывные сигналы SOS в правительства направивших их на этот остров стран. У радиостанции образовалась толкучка, сильно пополнившая доходы еврея, так как бесплатно незапланированные депеши он подавать отказывался, да и бессермянин команду не давал.

На всякий случай, во всех островных министерствах, комитетах и ведомствах была проведена мобилизация приписанных к ним копателей, с имеющимся у них инвентарём. Именно в этот день связь, к счастью, была хорошая. Из правительств стран участниц шли слова поддержки.

Страна опыта по секретной связи передала «морзянку», из которой следовало два варианта развития событий:

Первый вариант предполагал, что до острова докатилась волна демократии, и членам археологической экспедиции предлагалось отдать всё добровольно, включая и археологические находки.

Второй вариант предполагал прибытие к ним мага и волшебника, правительственного консультанта. На чём он убыл на остров, в правительстве не знают, может быть и на галере под чёрными парусами. Если это он, то его встретить, величать уважительно – Консультант или Маг, и все дальнейшие действия согласовывать с ним.

Словом ясности правительство в островную жизнь не добавило.

Так как отдавать островитянам было нечего, то археологи вооружились лопатами, кирками, скребками и даже кисточками для более тонкой работы и рассыпались вдоль всего кратера в надежде, что не побьют.

Гребцы в это время барахтались и фыркали в воде, продолжая при этом не то хохотать, не то орать: «Тону». Плавать они не умели и дружно стали пускать пузыри. Спасти удалось только одному. Археологи видели, как этот пират изо всех сил нырял за остальными, но каждый раз всплывал.

Даже огромная воронка, образовавшаяся на месте окончательно ушедшей на дно галеры, не поглотила, а наоборот вытолкнула его, как пробку из бутылки, на берег.

На берегу, этот пират держался особняком от капитана и двух его помощников.

Археологи, видя своё численное превосходство и сострадая не утопшему, бросились сначала к нему. Пират, не дожидаясь пока они до него добегут, а с него самого стечёт вода, достал трубку и закурил. Подбежавшие к нему островитяне увидели причину спасения пирата. Вместо ноги у него была деревянная культия, а на голове широкая треуголка, подвязанная под подбородком, и вообще от него так несло ромом, что утонуть он просто не мог.

Пират с тоской взирал на остров и что-то бормотал, похожее на: «Опять. Снова». Археологам он не обрадовался, но могилокопателей приветствовал кашлем и лёгким кивком головы. Он определил их по запаху спиртного. После молчаливого приветствия он спросил скрипучим и берущим за душу голосом: «Где мой попугай?».

Пират был настолько колоритен, что все члены экспедиции забыли о других гостях острова, тем более, что причалившая к берегу лодка испустила из себя воздух, а вместе с ней исчезли и гости.

Пират же, не получив ответа на свой вопрос, продолжил: «Кто тут главный?». Вперёд вышел бессермянин и заявил, что сегодня начальник он. Пират внимательно осмотрел начальника и произнёс: «Так, значит, мою птичку вы ещё не нашли, плохо копаете. Только она помнит, где лежат сокровища. Может быть птичка сдохла». На скорбном выдохе пирата «сдохла», из кратера раздался истошный крик: «Пиастры, Пиастры, Демократия, Демократия». Членов экспедиции истошный крик из недр земных испугал. Пират же снисходительно произнёс: «Вот сволочь пернатая, где-то успел нахвататься демократических ценностей».

Что такое пиастры в экспедиции знали только археологи. Они бросились первыми обратно к кургану и стали ползти по его насыпи вверх, примерно так же, как ватага смелых солдат на стены крепости.

Могилокопателям больше было знакомо слово демократия, поэтому они несколько медлили, но видя, что и одноногий пират зашепшил к кургану, присоединились к нему, больше из вежливости, чем из любопытства. Просто, всё как всегда просто, могилокопатели признали в пирате начальника и главного демократа на этом острове, а археологи поспешили делить славу...

Попугай сидел на дне кратера, на огромной груде разного барахла. Он был доволен и орал во всё горло:

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца,
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведёт до конца,
Йо-хо-хо, и бутылка рому!»*

Орал он на английском языке, поэтому приятную, щемящую тоску почувствовал только англичанин, который тут же проникся гордостью за своих великих предков, и на всякий случай первым бросился в жерло кратера, забыв о внешней безопасности, за которую отвечал.

Он перепугал птичку, которая тут же заорала: «Караул, грабят» на чисто русском языке, и вылетела из кратера, усевшись пирату на плечо. Другие члены экспедиции, видя, как англичанин чем – то набивает карманы (яма, которую я именую кратером, была глубока, ибо труден путь к демократии), застыв от удивления, смотрели вниз, не решаясь прыгать в глубины, в недра Земли. Они точно помнили, что на дне кратера не было ничего, кроме пары здоровых зубов выбитых арабом у еврея или наоборот, толком никто не помнил, банок из-под «пепси», которыми американец метил свою территорию, и бутылок из-под водки, которой русский согревал свою душу и ещё душу чукчи.

Все стояли и думали о миражах, галлюцинациях, поругивая туркмена, афганца, узбека, чеченца за их привязанность к «сильным» травкам. Помянули и индуса, никогда не выходящего из состояния нирваны.

Но по верёвочной лестнице на дно кратера к англичанину уже спускались еврей, испанец, американец, а турок уже мутузил армянина прямо на краю ямы, не давая приблизиться ему к лестнице.

Наконец, и до остальной части экспедиции стало доходить понимание того, что возможно, они попали на «праздник жизни», на «свой» вокзал, к которому подошёл их поезд. Археологи и могилокопатели, дав друг друга, бросились вниз.

Внизу было всё.

Члены экспедиции решили, что это сам Бог вспомнил о них, и до краёв наполнил вырытую ими яму богатствами. Чего там только не было, и валюта всех стран мира, и самые немислимые товары, включая самые демократические – порновидео, учебники по террору и грабёжам и даже детские учебники по основам безопасности жизнедеятельности.

Еврей, чувствуя, что его обделяют, уговорил араба срочно дать телефонограмму на свою исконную родину общую с арабом о несметных сокровищах, найденных на острове, с напоминанием о причитающихся ему процентах от клада, и, так, на всякий случай отстучать телефонограмму в правительство страны опыта. Мол, кое-что нашли, но не заслуживающее вашего высокого внимания. Араб с радостью согласился с такими телеграммами, ветвь то одна, детишки хоть и получились разные, но про деньги всё разумели одинаково.

Только Пират и русский оставались безучастными к этому дележу. Пират хоть и бросился сначала вместе со всеми, но потом остановился и тоскливо стал смотреть в морскую даль, далеко за горизонт. Казалось, что он охраняет членов экспедиции от не прошенных гостей, стоя в дозоре. Русского же просто удерживал запах рома исходивший от Пирата. Надо заметить, что единственный член экспедиции, с которым не было никаких проблем, был русский Иван. Он подчинялся начальнику – бессермянину, помогал и чукче, и бедуину, и аборигену, и американскому индейцу, и всем тем, кому не удалось стать островным начальством. Он привык помогать всем и всегда и потому Бог наделил его особой ролью «скрепы» других несмышлёных народов.

Иван один был уверен, что все всё найдут. И когда из котлована, названного кратером, раздался истошный крик: «Пиастры, Пиастры, Демократия, Демократия», он понял, что нашли. Раз нашли, куда спешить. А тут и собутыльник выплыл и теперь просыхал. Иван, правда, не видел никакого сосуда на ремне у Пирата. Но он видел уходящую на дно морское галеру и по прежнему своему, казачьему, опыту знал, что с тонущего судна обычно всплывают бочки с вином, а не с порохом, семенами и ружьями, чем обычно писатели разочаровывают читателей. Он терпеливо ждал.

На Пирата он смотрел, как отец на сына, произнося в мыслях: «Сынок... поднеси». И тут море вытолкнуло из своих глубин бочонок рома. Иван не стал утруждать Пирата. Сам выкатил бочонок на берег, вышиб пробку и сказал Пирату: «Снимай свою треуголку». Пират ответил, что она ещё сырая, и ром будет иметь привкус морской воды, чего он пират не вынесет, так

как только что её наглотался, пытаясь утонуть. Но он готов пить из иванового сапога. Кто бы возражал. Иван снял сапог и, налив полный сапог рома, протянул его Пирату как гостю.

Пират выдохнул воздух вместе с остатками морской воды и, решив, что пора менять топливо в организме, молча выпил весь ром из сапога, чем порадовал русского, который сразу проникся к нему доверием.

Иван опять наполнил сапог и, произнеся тост: «Ну, за нетонувших, – и тоже выпил весь ром из сапога. Попугай начал беспокоиться. Сапог был большой, а бочонок маленький. Попка ухватил Пирата клювом за ухо и заорал: «Давай поцелуемся».

Пират дыхнул на него, и Попка упал, как ему показалось, на белый морской песок ногами кверху, с открытым клювом и счастьем, застывшим в остекленевших глазах. Пират был милосерден, он поднял попугая с камней и бережно, со словами: «Как ослаб за тысячи лет», уложил его в большой карман морского плаща.

Иван порозовел маленько, с Пирата перестала капать вода, и они в унисон произнесли: «Ну что, ещё по одному?». Тут их внимание привлёк рёв мотора. К острову на полном ходу приближался катер. На борту катера огромными буквами было написано: «Правительственный». Телефонограмма еврея дошла до правительства страны опыта.

Катер шёл на огромной скорости и, не сбавляя её, вылетел на берег до самого винта.

Мотор ревел и винт ещё давал обороты, а ватага с этого катера уже прыгала в кратер, прямо на головы археологам и могилокопателям.

Появление членов Правительства не обрадовало членов островной экспедиции, тем более, что за всё время со дня отправки на этот остров, членами экспедиции ни разу никто не поинтересовался и не прислал ни денег, ни вина, ни жратвы.

Еврей, вместе с арабом, сразу получили по «ушам» радиостанцией. Так в кратере зародилась оппозиция. Один из членов правительства был рыжим, поэтому казалось, что он орёт больше других: «Всё сдать в казну, я вам костры потушу, вы у меня в потёмках насидитесь». Эту длинную речь, получив лопатой по башке, он правда закончил лаконично: «Не влезай, убьёт».

Не отставал от него и какой-то жирный боров, но он мягко приговаривал: «У нас бюджет, я перестану разрабатывать программу по вашему спасению, и вы все погибните». Борова, малость, приложили киркой. Сила была явно не на стороне правительственной ватаги. Только на самом дне ямы члены правительства поняли какую глупость допустили увлечшись мечтами о кладе и проведя отсев в своих рядах: кого – то вычеркнув из списка, кого-то забыв оповестить об отплытии, а кого-то и потеряв по дороге.

Сила была явно на стороне археологов и могилокопателей. Всё смешалось в этом чёртовом котле-кратере. Все сильно растолстели от набитых карманов, за пазух, но остановиться не могли. На дне уже не было ничего не поделенного, поэтому все пытались «тырить» друг у друга «по-тихому». У правительственной ватаги это получалось лучше. Они в своей стране культивировали только одну профессию – профессию вора. Островная же ватага из-за смешения культур, малость расслабилась и подзабыла, с кем имеет дело.

Русский и Пират выпили по второму сапогу и решили присесть. Пират сказал, что на сырую землю не сядет, так как у него радикулит, да и вообще с одной ногой сидеть на земле крайне неудобно.

Русский быстренько вытянул из кратера верёвочную лестницу и соорудил из неё стул для Пирата, и они продолжили пить.

Благо ром в бочонке не кончался, а музыкальный фон создавали крики и ругань, идущие из недр земли. Пирату и Ивану явно не хватало третьего. Проснувшийся попугай опять топтался по плечу Пирата и, икая, пытался говорить, но у него получалось только: «Демо... Демо...».

Вдруг шум в кратере стих. Пират сказал Ивану: «Кажется, всё поделили». Иван посмотрел вниз. Внизу стояло две толпы: большая и поменьше с набитыми карманами, сумками, носками и даже носовыми платками, перевязанными за 4-е угла и набитыми чем попало.

Иван подтвердил: «Поделили, и за это надо выпить». Пират согласился: «За согласие и примирение, – и, почему-то добавил: «Ну – Ну».

Надо заметить, в демократических процессах Пират разбирался не хуже своего попугая. Может поэтому они и дружили и тяжело переживали разлуку друг с другом. Пирату самому не раз приходилось сушить демократов на корабельных реях. Хотя ему были известны и ещё большие демократы, чем он сам, например, старого разбойника Флинта*, очень любившего делиться, он даже любил.

В этих демократических процессах он и потерял ногу, но приобрёл кое-какую мудрость. Пират ещё раз заглянул в кратер, обе толпы стояли с задранными кверху головами и кричали: «Лестницу кидай». Иван вопросительно посмотрел на Пирата. Пират сказал ему: «Как хочешь, только помоги подняться».

Попугай начал приходит в себя. Он перестал икать, но ещё не мог вспомнить правильного звучания слов и бурчал Пирату в ухо: «Пи...Пи....Демонкратия, Демонкратия». Иван помог подняться Пирату и уже взялся за конец лестницы, как к ним приблизился красивый и очень известный человек.

Он произнёс торжественно и тихо, обратившись к Ивану: «Разрешите представиться – Скульптор».

Иван сделал вывод, что с Пиратом новый гость уже знаком, и вспомнил лодку с галеры, причалившую к берегу. Иван без всяких мыслей сразу спросил просто и понятно: «Третьим будешь?» – и получил от Пирата, тычок в спину.

Скульптор это заметил и поощрил Пирата словами: «Вижу, исправляешься, рад, что ты не внизу» – и добавил, посмотрев на Ивана: «У меня сегодня разгрузочный день, но мой помощник с удовольствием составит вам компанию».

На руке у помощника сиял бриллиантовый Ролекс, пиджак украшала платиновая булавка, на шее висел медальон, чем-то напоминавший носовую часть ушедшей ко дну галеры, но на ногах почему-то были рваные носки разного цвета.

Помощник, казалось, ждал этого предложения всю жизнь, он радостно прогудел: «Конечно», – и сразу появилось три пластмассовых стула, такой же пластмассовый стол и «грибок» с надписью по кругу «МаГдоналдс». На столе появились посуда и закуски. От них пошёл такой аромат, что Иван и пират не заметили, как ушёл Скульптор. Помощник же скульптора, казалось, был с ними вечно. Они ещё не успели познакомиться, как пили уже по седьмой.

Попугай опять начал нервничать. Он почему – то не ел, но всё время норовил пролезть в бочонок с ромом. Ромовый дух его уже не брал, а только раззадоривал. Он нагадил на треуголку Пирата, клюнул в темя Ивана и всё время норовил отобрать стакан у помощника Скульптора, не забывая при этом бурчать: «Маг, Демонкрат, Маг, Демонкрат». Наконец он добился своего, уронил стакан на стол и, смочив горло, упал под стол.

Втроем они сидели под грибком на пластмассовых стульях за пластмассовым столом. Попугай лежал под столом, и всем было необыкновенно хорошо. Но запах от закусок дошёл до дна кратера, и шум усилился. Помощник Скульптора вопросительно посмотрел на Пирата. Пират совершенно безразлично ответил: «Это местные, раскопали демократию и уже её поделили, теперь, видимо, есть захотели».

– И пить, – добавил Иван.

– Как интересно, – проявив неподдельный интерес к словам Пирата и Ивана, произнёс помощник Скульптора.

Иван опять взялся за край лестницы, но помощник его остановил словами: «Куда спешить. Три демократа сверху и толпа демократов снизу всегда веселее, чем наоборот». Иван не

стал спорить. В конце концов, кого он собирался вытаскивать из котлована? Вечно озадачивающих его «братков», которые и теперь, набив свои карманы валютой и прочими «полезными» предметами, опять его просили, теперь вытащить их наверх.

– Вот так всегда, – подумал Иван, – то поглубже раскопай, то повыше подними.

А новые друзья привнесли в его жизнь и выпивку, и закуску. Поэтому в этот раз мудрость одержала верх над Иваном.

– Как скажите, – тихо произнёс Иван и, видя, что только он никого не знает в этой компании, а вроде как пора вести разговоры, спросил Пирата, как более старого своего знакомого: «А кто у нас третий?». Пират, попыхивая трубкой, ответил: «Это Маг, Демон – крат, правая рука Скульптора. Большой оптимист».

– А как тебя зовут, прости, запамятовал? – продолжил свои расспросы Иван.

– У меня нет имени. Я в некотором роде хулиган, создающий проблемы, или наоборот их решающий. Главное, Ваня, чтобы никто ни на том, ни на этом свете не скучал и не расслаблялся.

Друзья сидели, пили и закусывали. Аромат рома и закусок пропитал все уголки острова.

Со дна кратера всё сильнее стали раздаваться голодные крики и проклятия в сторону русского. Демон – крат произнес очередную тост за демократию сказал: «Пробудим новое мышление в их старых головах», – и приказал Пирату организовать снабжение археологов, членов правительства и могилокопателей, правда предупредив: всё оттуда, туда чуть-чуть.

Ещё он просил Пирата разбудить его только тогда, когда из ямы передадут какую-нибудь демократическую ценность, и, задрав ноги на стол, захрапел.

Пират раздобыл старую дырявую корзину и длинную верёвку. Всё это он отдал Ивану со словами: «Действуй». Ваня всё сгрёб со стола в корзину и спустил вниз братьям по разуму, даже грязный и дырявый, красный носок с ноги Мага.

В яме началась такая возня, что все близлежащие острова стремительно удалились на несколько миль от нашего острова. Рыжий член правительства, опоздавший к дележу, как и обещал, начал тушить все костры подряд. Он несколько раз получил по морде, но был очень настойчив. Спасло его от гибели, а островитян от греха только то, что на кострах было нечего жарить, а дым от костров затруднял дыхание.

Иван вытащил пустую корзину наверх. Стол опять был полон яств. Иван снова всё сгрёб в корзину, но тут вмешался Пират. Он сказал Ивану дословно следующее: «Ты что, Ваня, дурак. Они там с жиру бесятся, по бриллиантам ходят... Ты их накормил, а они тебе даже рубль в корзину не положили. Вытряхивай всё на Землю». Кто бы спорил, только не Иван. Он всё вытряхнул. Пират пнул корзину, и она полетела вниз, огрев борова по голове. От этого удара его осенила необыкновенная мысль о том, что надо делиться, иначе ни из ямы не выбраться, ни страну опыта не спасти.

Он нехотя одним из первых положил в корзину лакированный порно журнал.

Другие демократы последовали его примеру и стали накладывать в корзину разнообразный ширпотреб. Пират осмотрел поднятый Иваном груз, окинул взглядом спящего Демон-крата, вытряхнул корзину и ногой сгрёб туда продукты, рассыпанные по земле. После второй корзины разного дерьма, поднятого снизу, Пират сказал: «Ваня, крикни им, что ты ни с кем, кроме как с евреем больше дел иметь не будешь». Что Ваня и исполнил незамедлительно, чем доставил большую радость членам правительства. Они уже успели внести раскол в дружные ряды островитян, переманив на свою сторону еврея и араба вместе с радиостанцией.

Еврею большинством голосов, исключительно в рамках демократических процессов, а не для того, чтобы угодить Ивану, было поручено наладить товарообмен. Только боров обиделся и воздержался. Ведь это он писал программы по спасению народов, а не еврей, но ссориться побоялся, очень хотелось кушать.

Пират с интересом рассматривал порно журнал, а Ваня крутил порно видео, забыв о своих коллегах. Коллеги тем временем изучали в яме рыночные отношения, исследовали сегменты и проводили маркетинговые исследования. Так как, глядя снизу вверх, они видели только Ваню, то и решили, что Ваня и есть стрелочник на всех бартерных операциях. Так как Ваня запал на порно, решили порно больше наверх не отправлять. А после порно самым ненужным демократы считали «свободу слова», «права человека», «гражданское общество» и прочую дурь. Поэтому еврею понесли всё, что так или иначе могло это отражать и вызывать чувства свободы. Англичанин принёс макет игрушечного парламента, француз статую Наполеона в наручниках, американец «притаранил» статую свободы, а жители страны опыта с трудом, но решили расстаться со своим новым символом демократии – бронзовой птичкой «чижи́ком – пыжи́ком». Этот чирик неудачно влетел в «окно из Европы» и сразу забронзовел.

Еврей отказался принимать этот товар напрочь. У него было своё понимание демократии. Он всех посылал на х-й и требовал валюту, золото, нефть в бочках и драгоценные камни, словом всё то, что должно было составлять еврейскую собственность, как он помнил, правда, в стране опыта и только, но этого он не помнил.

В конце концов, голод пересилил, и народ, включая и членов правительства, понёс и золото, и валюту, и нефть, и драгоценные камни.

Еврей всё аккуратно подсчитывал, очень аккуратно: ФИО, сколько сдано, сколько Ване наверх, сколько членам правительства, мало ли чего, сколько себе за работу, сколько на исконную родину.

Делёж был вполне справедливый, недовольны были только рядовые ФИО – археологи и могилокопатели, но когда надо страну спасать, какие могут быть обиды.

Ваня вытаскивал корзину наверх. Пират осматривал демократические ценности, сгребал со стола по весу закуски, и Ваня спускал корзину вниз. Демон – крат, несколько раз открывал глаза и осматривал кучу «демократических ценностей», но каждый раз повторял: «Не то, не то», и засыпал.

Попугай, видимо глотнувший рому через чур, был ещё очень слаб. Он пытался поднимать хвост, но голова всё время перетягивала. Но испод стола он выполз, и никто не заметил, как Попка свалился в яму. Он упал в корзину со жратвой, и внизу еврей решил, что это дичь. Осмотрев попугая и видя, что птичка не велика, он отдал её аборигену. При первом же выщипанном пере попугай очухался, вырвался из рук аборигена и стал орать: «Я требую свободу слова». Это было выражение сильного демократического чувства. Крик был услышан Демонкратом, который очень обрадовался и велел Пирату спустить вниз бочонок рома в качестве поощрения. К счастью он не видел кто орал.

Могилокопатели первыми сообразили, что видимо глупая птичка орала что-то важное и кто-то её слышал, так как Ваня мог расстаться с чем угодно, но только не с выпивкой. Могилокопатели, видя, что еврей разливает ром не по справедливости, тоже стали орать: «Свободу слова». Демонкрат сиял от радости. Эти крики улаждали его слух. Он велел передать вниз, что все желающие будут подняты наверх, но без вещей. Крики стихли, ведь демократические ценности у всех были свои, «натыренные» и отобранные честным трудом. А зачем демократам свободное слово без демократических «ценностей».

Глава шестая. В это же время в Америке...

(Главы о нашем времени, и уж тем более упоминание земных стран, не имеют к данной книге никакого отношения – это дань второй древнейшей профессии – журналистики. Это слабость автора, которую прошу простить, попробуйте не писать и не думать о той жизни, которую проживаешь здесь и сейчас. Не думать о себе сегодняшнем – это гениальность, автор же вполне нормальный, только слегка «шизанутый» человек)

Пока мы вещаем о демократии. Интересная тема. Вдохновляющая тема. Сколько «еретиков» устно провозглашавших её сгорело на кострах, прежде чем слово «демократия» было написано на бумаге. А ещё раньше, сколько рабов мечтало о ней. А что же мы...

Джима и Аллена* разведка интересовала только в той её части, которая помогала зарабатывать огромные деньги. Они не выведывали секреты соседей по глобальному плану захвата всего мира, зная, что этой мыслью одержим любой, даже мелкий, «властитель». Они просто по всему миру «откусывали и отгрызали» огромные куски золота, нефти, газа, рабочей силы и т. д. И вполне этим довольствовались.

На этот раз Джим и Аллен встретились, чтобы обсудить российские дела, которые сильно расстроились после смерти одного старого «демократа», предлагавшего «вручить» весь мир в управление группе самых умных учёных с ним во главе. После его смерти Россию покинула его жена, а наёмный убийца застрелил и их подругу, которая долгое время была важным связующим звеном этой троицы.

После этих событий дела в этой стране, по мнению Аллена, пошли совсем плохо. Конечно, в российском бардаке на Царство удалось продвинуть своего человека, но чем больше он делал гадостей своим подданным, тем менее управляемыми они становились, и тем больше «тырили», без всякого учёта и контроля, распродавая всё подряд не им, американцам, а любому, кто привезёт их, американские доллары, в чемодане.

Пришлось срочно разворачивать «священную» борьбу с российской коррупцией и намекать, что если они, русские, не прекратят свои рыночные отношения со всем миром, то придётся опять опускать «железный занавес». Но на рынке уже появилась масса желающих обогатиться на «халяву». Точнее сказать, Россия оживила весь мировой рынок, спокойно дремавший почти сто лет и если с кем и конкурирующий, то только с Госпланом СССР.

Европа, эта маленькая и хлипкая Европа, видя, что Россию можно купить за несколько вагонов долларов, и имея в них некоторый недостаток, быстренько стала печатать свои деньги, обозвав их «евро».

Американцы пришли в шок от такой наглости, и только Голливуд, как всегда, оказался на высоте. Теперь в фильмах о русской мафии при расчётах сначала открывался чемодан с «евро», после чего «русский» на родном языке, с трудом выговаривая слова, спрашивал: «Ты чем, бля, рассчитываешься?», и начиналась пальба.

Гром гремел, огонь горел и пыль не оседала до тех пор, пока «русский» не ловил этого европейского «засланца», не скармливал ему все его «евро» или не вышибал из него «баксы». Такие фильмы должны были расставить все точки над «И».

Но всё это было делом «большой политики». Джим и Аллен же давно были над ней. Поэтому они встретились в частном ресторане, а не в Капитолии и не в ООН, и, даже не в Московском Кремле с видом на Лобное место.

Оба разведчика плотоядно облизывались, созерцая каждый своё любимое блюдо. Джим обожал лобстеров, гигантских раков, весом около двух килограммов, сваренных в красном калифорнийском вине. Рака ему подали на деревянной, тщательно выскобленной доске вместе с набором специальных инструментов – молоточков, щипцов, вилок с крючьями. Аллен

больше жизни любил бифштекс – двухфунтовый техасский «стейк», вырезанный из немолодого, но ещё не успевшего состариться быка. Аллен любил, чтобы стейк жарили при нём. На этот раз стейк жарил могучий негр-повар в белоснежных одеждах и высоком, туго накрахмаленном колпаке. Аллен с жадностью смотрел и на мясо, и на негра. Когда стейк был поджарен и уложен, негр молча поклонился и отошёл от стола. Аллен нарушил молчание, вызванное созерцанием огня, охватившего кусок мяса.

– Великолепно! Посмотри, Джим, какой прекрасный получился стейк.

Аллен принялся за лакомое блюдо. По усам стекал бурый сок, он слизывал его языком, причмокивал, сопел, вздыхал от удовольствия. Джим ел бесшумно, осторожно взламывая панцирь лобстера.... Когда расправа над едой состоялась, Джим и Аллен перешли в отдельный кабинет. Пили кофе и курили, сидя в глубоких креслах. Джим забросил ноги на кофейный столик. Аллен запер дверь и задёрнул шторы.

– В Москве закончена черновая работа по подготовке законопроекта о жилищнокоммунальной реформе, Аллен – начал Джим негромко. – Нам удалось добиться того, чтобы все выделяемые нами дотации правительству России шли на прокорм правительства, а «дикари» расходовали деньги на оплату чиновничества и своих лачуг. Скоро им ничего не останется на еду, и они начнутдохнуть ещё больше. Все, конечно, не вымрут, правительство и чиновники останутся, но этих мы прокормим с их же нефти и газа. А потом, когда вымрут «дикари», у них останутся только голые задницы, которые нечем будет прикрыть.

– Это хорошо, – протянул Аллен, – но у планов внедрения этого закона есть немало противников. Они могут задушить его. У них, понимаешь,* ещё остались патриоты, которые по-прежнему из всех союзников России признают только армию и флот.

– Не при этом президенте. Наши олигархи уже связали его по рукам и ногам. Они превратились в силу, стоящую над президентом. Они успешно подминают под себя все российские ресурсы. В числе этих ресурсов «дикари» не значатся. Это не южная страна, где народ ходит голый и сыт одними бананами. Этих русских легче убить, чем жить рядом с ними.

– Нам придётся поработать над этим, – задумчиво произнёс Аллен.

– Ерунда. В России совершенно дикий, безвольный народ. Да, русские наши соплеменники, но только из числа слабаков, которых теснили из Европы более сильные народы, пока не загнали их в замороженные леса и степи. А что касается власти, то она как всегда далека от народа. Олигархов мы втянем в транснациональные корпорации и народ этой власти станет абсолютно не нужен, – распаляясь говорил Джим.

– Не сопротивление насилию не всегда слабость. Это может быть и уступчивость, и благодушие, а иногда и отдых от более серьёзных дел, – возразил Аллен, – история учит, что любое вторжение в Россию, ведёт к поражению захватчиков.

– Ерунда, просто им бежать уже некуда, отсюда ярость и бой до последней капли крови, – развивал свою мысль Джим, – а мы их и не собираемся завоёвывать, сами вымрут.

Над Алленом и Джимом в клубах лёгкого сигаретного дыма покачивался Иван. Он с интересом слушал разговор двух американских разведчиков.

Во многом Иван был с ними согласен. «Братья» по ремеслу довольно правильно понимали часть из поставленной перед ними задачи.

Действительно, российских чиновников нужно было оставить с голым задом.

Для этого и посадили на «царство» самых худших и жадных из всего имеющегося чиновничьего сброда – наследства прежней империи. Первым правителям повезло. Пока СССР оставался могущественной державой, первым лицам империи весь «загнивающий» капитализм «отслюнявливал» огромные взятки за развал «социалистического лагеря». Одноразовые «пособия» доходили до 300 млн. долларов в одни руки. Теперь же, с развалом империи, капитализм потерял к этим первым лицам всякий интерес. Но слух о «халявном башеле» уже прошёл, и наверх власти полезли все, кому не лень. Но, оказалось, что наверху, только разруха,

впрочем, как и раньше, и никаких подаяний. Но Иван, видал и не такое на своём веку, потому верил в Россию, даже в Россию, где не осталось ничего святого. И в этот раз, качаясь на облачке сигаретного дыма, он понял, пора настала, надо «оторвать» от затянувшегося отдыха одного из своих друзей, пока без лица, но уже, не боявшегося сильных перегрузок. Опыт он получил на горнолыжных спусках и альпинистских подъёмах.

Конечно, горнолыжные спуски назвать отдыхом трудно, но и «рулить» тут, в низине, тоже необходимо. Альпинист-горнолыжник был человеком осторожным. Он всех допускал к спуску, но почти никого к подъёму.

И теперь Иван думал, что пора бы встретиться с альпинистом-горнолыжником, обсудить замыслы «наших друзей» и наметить свои.

Глава седьмая. Переходный период

События, описанные выше, это дела внешние. Внешние дела от внутренних отличаются кое-какой пристойностью, этикетом. С внутренними делами всё намного проще. Пока обсуждались внешние дела, на остров, для решения внутренних дел, мчалась новая ватага из оставленных и забытых в стране опыта членов правительства. Мчалась она на огромном крейсере с целью совершения дворцового переворота. Новой ватаге, как и прежней, очень хотелось всё поделить и присвоить.

Демон – крат, увидев подплывающий крейсер ошетинившийся пушками и ракетами, ужасно расстроился и сказал Пирату: «Это по твоей части». Пирату было всё равно. Он тысячами сеял хаос и ещё помнил времена бамбуковых палок и каменных топоров. До возникновения динамита войны не беспокоили Скульптора. А Скульптор не беспокоил Пирата. Пирату доставляло огромное удовольствие наблюдать, как народы колошматят друг друга палками, машут мечами, и взрывают бочки с порохом. Наиграются народы, настучат палками по головам, отдыхают. Народы отдыхают, пока головы гудят, и земля матушка не сильно страдает. Конечно, Скульптор переживал видя как одно его творение хватается камень и бьёт им по голове другое его же творение. Но как иначе проверить качество и крепость скульптур, как не каменюкой по темени.

С появлением динамита, а особенно атомных бомб, ситуация сильно переменилась. Людишки получили несомненное облегчение – взрыв и только тени, никакого гудения в голове, ибо нет её. Но Земля стала страдать ужасно. Мало того, что её разоряли веками, выкачивая нефть, газ, добывая руды, вырубая леса, так теперь её ещё и взрывали, копали, отравляли. Это было выше её сил и понимания. Она стала стряхивать с себя людей, как собака блох. Ураганы, торнадо, смерчи следовали один за другим.

Страдания Земли не могли оставить Скульптора равнодушным, и Он запретил Пирату сильно хулиганить. Но Пират любил дым баталий, крики атакующих друг друга ватаг, груди полководцев, увешанных медалями. Был у пирата ещё один весомый аргумент. Он очень любил своего попугая. А попугай любил баталии больше Пирата. Он буквально заходился в истошном крике: «Ура! или Алла, или просто матерно ругался», – чем раззадоривал обе стороны. Как тут было птичку не порадовать.

Пират, видя, что мощь, в виде крейсера, может утопить весь остров, на всякий случай утопил его. Всю команду с крейсера выбросило на берег прямо рядом с пищалями, шпагами, бочонками с порохом выброшенными на берег с ранее утонувшей галеры. В самом деле, не лишать же себя и попугая удовольствия от маленькой баталии.

Пират в последнее время путался в определениях, даваемых людям своим зверствам. Война, локальный конфликт, террор. Ватага, прибывшая на крейсере, более всего походила на террористов, особенно вооружившись пищалями, а островная ватага походила на заложников, правда сразу с выкупом.

Так как крейсер совершенно неожиданно ушёл на дно, то те кто плыл на нём, решили что островитяне хорошо подготовились и применили новое оружие, которое видимо тоже раскопали. Они рассыпались по берегу цепью и стали целиться в грибок «МАГдональдс». Демон – крат окончательно расстроился от видимого факта так бездарно загубленной демократии и заплакал.

Пошёл сильный проливной дождь. Особенно сильно он лил над ямой. Вода стала заполнять яму, а вместе с ней всплывали на поверхность и все желающие. Сначала всплывать без демократических сокровищ никто не хотел, но в итоге желание жить оказалось сильнее, и все облегчённые всплыли и выбрались из ямы. Они долго жмурились, хотя солнце было закрыто

тучами. Вдруг грянул залп. Это ватага вновь прибывших членов правительства пристреливала пиццали.

Первым обстановку на острове оценил рыжий член старого правительственного состава. Он глянул вниз, на лазурное побережье и увидел знакомые морды, многих из которых лично вычёркивал из списка экспедиции. Эти морды, увидев рыжего, стали целиться в него. Но они его не испугали. Он рванул на груди рубаху и показал миру череп, две перекрещивающиеся кости и лозунг «Не влезай убьёт».

Попка радовался больше всех, он вилял хвостом, пропуская пули. Рыжий отбивался от пуль лопатой. Пират для того чтобы всё было по настоящему, вооружил и ватагу, всплывшую из ямы. И, наконец, когда все были заняты, он снова мог вернуться к любимому занятию: пить ром с русским.

Они пили ром и обсуждали наступившие тяжёлые времена переходного периода. Иван болел за своих археологов и могилокапателей и надеялся, что в равной борьбе не останется ни одного члена правительства. Попка летал над ватагами и орал: «Свободу попугая». Пират был тренером и судьёй одновременно.

Пока ватаги были заняты, и звуки канонады услаждали слух попугая, Пират с Иваном вели непринуждённый и откровенный разговор:

– Эх, Ваня, ты посмотри, что творят твои земляки, взывал к вниманию Ивана Пират.

– Мои земляки в такую слякоть в деревне на печи спины греют, – возражал Иван.

– А это кто такие по-твоему? – спрашивал Пират.

– У нас это традиционно называют «погань», – отвечал Иван, как на уроке.

– Погань, погань, – задумчиво повторил Пират, и, был услышан попугаем, который тут же «сменил пластинку» и раскричался: «Поганцы, Поганцы, Диктат – крат, Диктат – крат».

Пират шуганул попугая и сказал: «Интересная у тебя страна, Иван, почти все одинаковые внешне, а внутри чего только нет. Флибустьеры хреновы».

– Да, умом не понять. Воры болеют за страну всем сердцем и душой, землю защищают, а государевы слуги готовы всё распродать. И ведь понимают, поганцы, что делают, но остановиться не могут, – разоткровенничался Иван.

У обоих ватаг закончились порох и пули. Попугай, видя, что народу более ничего не грозит, кроме мировой ничьей, сел Пирату на плечо и начал картавить в ухо: «Давай поцелуемся».

Распогодилось. Ярко засияло солнце. В его лучах стоял Скульптор.

Попка при виде скульптора затих. Скульптор улыбнулся ему и, осмотрев остров, нахмурился. Он сказал Пирату: «Рад, что ты был безучастен». Затем он оглядел обе разношёрстные ватаги. В обеих уцелело примерно одинаковое количество «бойцов». В одной ватаге остались археологи и могилокапатели, которые в основном прятались, так как делить им было нечего и не с кем, в другой экипаж крейсера и с десятков мелких членов правительства, которых взяли на крейсер бегать за пивом, мало ли чего. Этим тоже ничего не светило при дележе. Но теперь, когда никого из «верхних» не осталось, глаза у оставшихся горели «здоровым недобром». В яме ещё булькала вода, и археологи знали, что они оставили на дне. А экипаж с крейсера помнил, зачем плыл на остров.

Скульптор, видя, какой бардак они развели на острове, призвал к себе Диктаткрата.

Диктаткрат был точной копией Демонкрата, только без юмора. Диктаткрат властно посмотрел на Пирата и на попугая. Попугай шмыгнул в карман морского плаща Пирата и затих. Скульптор и Диктат-крат обошли остров. Диктаткрат всё время кивал, и лицо его было торжественно и серьёзно.

Глава восьмая. Внутреннее министерство страны опыта (сыскной отдел)

На острове доигрались в демократию. Но это на острове, а в стране опыта жизнь шла своим путём или чередом, или порядком. По огромному кабинету ходил начальник сыска. Кабинет ему достался в наследство по странной цепочке прародителей. В кабинете стояла мебель трёх веков, ибо у владельцев этого кабинета не было страсти менять мебель после предыдущего начальника. Им и без этих затей или русских традиций, было чем заняться. В кабинете стоял огромный стол и большие деревянные стулья уцелевшие ещё с царских времён. Это наследство царской охраны, сразу нагоняло тоску на посетителей. Возле стен стояли не менее огромные книжные шкафы с трудами классиков Внутреннего министерства и родоначальниками разных «измов», наследства многих веков. Особенно много трудов было посвящено «анархии» и «фашизму». Эти книги лишали посетителя последней надежды на светлое будущее. Из XXI века, в кабинете был только портрет каких-то двух горнолыжников, в одном из которых угадывалась личность министра, второй был в больших защитных очках, но именно он окончательно «добивал» любого посетителя.

Третье столетие не менялась и ковровая дорожка, что придавало ещё большую серьёзность, как кабинету, так и его посетителям. Обыкновенные топтуны здесь были большой редкостью, вернее их тут не было никогда.

По этой самой дорожке, на удивление легко ступая, ходил начальник сыска. У него было прекрасное настроение, и, если бы не атмосфера кабинета, то с ним сразу же хотелось познакомиться. Как его зовут? Не знаю. Врать не буду, но в прошлом его звали Георгий Порфирьевич Судейкин.

Из века в век он сохранял чувство юмора и оставался отцом виртуозов-провокаторов. Виртуозом, а виртуоз, он в любом деле виртуоз.

Надо заметить, Судейкин (в прошлом) играл и за белых, и за чёрных. В небесных книгах накопленный им опыт, красочно оформленный и переплетённый какими-то сияющими волокнами, до сих пор занимал место ровно по центру. Он показывал начало игры, эту тайну тайн, и, если бы не последующие события, то его труд был бы приближен к Свету. Итак, что же сделал Георгий Порфирьевич в конце XIX века?

Он «разгромил «Народную волю», широко практикуя при этом новые методы и, прежде всего, самую грязную провокацию. Склонив на сотрудничество попавшего к нему в лапы члена Исполнительного комитета этой организации Дегаева, Судейкин получил возможность арестовать почти всех её руководителей. Однако он отнюдь не ограничился этим, предложив Дегаеву возглавить «Народную волю» и действовать по его, Судейкина, указаниям. Георгий Порфирьевич разработал план действий, которому никак нельзя было отказать в грандиозности замысла: он, Судейкин, руководствуясь указаниями Дегаева, устраняет тех подпольщиков, и только тех, которые мешают плодотворной деятельности его сотрудника; Дегаев же в свою очередь, руководствуясь его указаниями, организывает убийства тех сановников, которые мешают продвижению Судейкина по службе....

Таким образом, судьба страны должна была оказаться в руках двух людей: самого Судейкина, диктатора всероссийского, и его подпольного alter ego – Дегаева»*

Это было очередным началом опыта зарождения тотальной диктатуры, но Порфирьевич расслабился и был убит Дегаевым. Однако представители власти были, очевидно, весьма далеки от осознания того, какое жуткое чудовище вырывается у них на глазах на волю из самых недр политического сыска.

Надо заметить, что ещё не отлетевшая душа Судейкина несколько раз повторила ему: «Кесарю – кесарево...». И потом, Судейкин (в прошлом) исправлял свою ошибку в разных других министерствах.

Лаврентий Павлович Берия занимался примерно тем же самым, но свои шаги согласовывал с Вождём. Увы, умер Вождь, погиб и Берия. Что – то не работало в такой классической игре. Но что? Третье столетие продолжалось, и это только на памяти его, Судейкина Георгия Порфирьевича, а до этого....

Судейкин (в прошлом) ходил по кабинету и думал вслух белым стихом:

«Народная воля» – индивидуальный террор,
Романтик безопасен – он одинок.
Публицист и учёный, журналист и артист,
Сливаются в партию – это зародыш.
Пустим на самотёк, получим свору,
Не возглавим свору – получим разврат,
Нам не нужен разврат, нам нужен Вождь.

Георгий Порфирьевич (в прошлом) сам не мог понять причину своего красноречия, но про разврат ему понравилось.

Тут не могу не отвлечься и не сказать, что больше всех про разврат понравилось Пуделю. Он сразу вспомнил американские горки в одном из спортивных комплексов непризнанной столицы, уносящие его в окружение голых купальщиц в голубые воды бассейна. Бывало, он успевал от старта до финиша..., а теперь вот, он только жучка, хотя и при должности.

Накануне Порфирьевич (в прошлом) встречался с Министром, и тот доверительно поставил перед ним задачу «текущего момента», которая, если всё делать правильно, может перерасти в длительную стратегию. Беседа была более чем серьёзна, если учитывать, что говорили два человека, из которых один был юмористом «по жизни», другой, увы, таким не был.

Министр, не поднимая головы от письменного стола и продолжая писать, говорил:

«Георгий Порфирьевич (в прошлом) ситуация, сложившаяся в Государстве, вызывает тревогу. С одной стороны мы имеем огромное количество партий, с другой примерно по количеству партий такое же количество силовых министерств.

Лидеры партий заняты тем, что обирают Правительство нагло и открыто, а министры в борьбе за бюджетные средства разрушают Государство, дублируя функции друг друга. Демократия достигла своего предела».

Судейкин (в прошлом) согласно кивал, это была его сжатая докладная записка. Сама записка была, конечно, интересней.

Судейкин (в прошлом) «нажимал» на то, что развели конкуренцию, к которой так стремились демократы. Конкуренция породила коррупцию. Коррупция поставила под сомнение способность Правительства выполнять свои функции, что оживило некоторые силовые структуры, которые породили политические партии. Дальше шёл длинный список: Политик Ф.И.О. – прикрытие Министр Ф.И.О. – бюджетная статья № ____ и т. д.

Но самым интересным в докладной записки был вывод, из которого следовало, что все партии под руководством своих «крыш» хотят низложить Правительство. А силовые министерства, они же «крыши», под гуманной заботой о безопасности Правительства «потрошат» его по полной, так сказать, программе.

Министр продолжил: «Ваш отдел в курсе происходящих событий более чем какой – либо другой, поэтому перед вами ставится задача найти и внедрить на должности лидеров партий своих людей. Более того, мы не будем делать из этого секрета, так как я лично возглавлю всё политическое движение в государстве. Идите».

В целом, Порфирьевич (в прошлом) остался доволен содержанием разговора. Другое дело форма, но чего можно ожидать от человека без юмора.

Порфирьевич (в прошлом) вспомнил своего первого учителя. Было время, когда и он надел свои первые офицерские погоны. Уже на следующий день по прибытию к месту службы, к нему в кабинет вошёл представитель особого отдела (тогда такие были), бравый майор по фамилии Свечка, и приказал открыть сейф. Порфирьевич (в прошлом) малость «струхнул», мало ли чего. Майор долго осматривал внутренности сейфа и остался крайне недоволен, что следовало из вопроса: «Где две самых важных папки?» «Каких?» – не смог промолчать Порфирьевич (в прошлом). «Каких? Каких? Белой и коричневой!» – сузил своё неудовольствие Свечка. Порфирьевич ответил: «Есть», – и достал из стола бутылку водки и бутылку коньяку. Произошло, незаметно и по-доброму, вливание в коллектив. Новый же министр до сих пор ходил «невлитым». Времена поменялись. Порфирьевич тяжело вздохнул и почувствовал облегчение от этого тяжкого вздоха, как от чего – то избавился.

Итак, Судейкин ходил по кабинету и думал. Он понимал, что перевести нелегальный процесс такого рода в легальный, умопомрачительно тяжело и, не столько из-за морального аспекта, сколько из-за материального. И политики, и министры привыкли к подкупу (взятки в России нет – это факт, в стране, где есть люди и с юмором, и без юмора, что-либо утаить невозможно) как к официальной зарплате. Новым же политикам, так как они официально назначались на должности, а не «выдвигались» массами на должность лидеров, предполагалось платить оклад «за государеву службу». Конечно, не без лукавства, иначе это была бы уже не Россия. Оклад «за государеву службу», премию «за преданность», стипендию «за членство» и просто так, за то, что «раскорячился». Это могло оказаться дороже любых подкупов.

Порфирьевич понимал, что и на самом верху, прежнее положение вещей – не тайна, а давно принятое правило. Но там, видимо, стало совсем худо, и решено выстраивать новые отношения между Государством – политиками и обществом.

Но взявшись за такую ношу на самом высоком уровне, можно всё испортить, и поэтому опыт решили приобрести на уровне Внутреннего министерства. Причина у такого решения была, пожалуй, одна: политики, плуты, воры и прочие слуги народа боялись Внутреннего министерства, так как оно проводило внутреннюю политику. А внутренняя политика – это... страшно. Она всегда начиналась с шумихи, за которой следовала неразбериха, затем поиски виновных, найдя которых наказывали невиновных и наконец награждали непричастных, но сразу же начинали всё сначала. Политика эта не менялась веками.

В стране опыта царил выборный ажиотаж.

Пришло время, конечно, по закону поменять органы власти на местах, а вместе с ним и внутреннюю политику. Действующая местная власть подходила к выборам солидно: огромные щиты-плакаты, из которых явствовалась глубокая забота о родном крае, яркие надписи на общественном транспорте о том, кому народ всем обязан. Под каждым плакатом название очередной придуманной партии специально под выборы. Новые кандидаты во власть, лишённый доступа к бюджету, но пользующиеся поддержкой Внутреннего министерства бегали по родному краю с ведрами краски в одной руке и ведром клея в другой, марая стены домов лозунгами и обклеивая столбы плакатами со своим портретом. Но это была всего лишь «дымовая завеса».

Внутренне министерство не мешало кандидатам развлекаться, но само было занято более серьёзными задачами, а именно отработкой новых политических приёмов. Оно завело уголовные дела на всю старую администрацию и предложило альтернативу, либо вечно тлеющие и висящие над головами уголовные дела, либо дружно всей командой в отставку и на высылки, то есть тихо сидеть, пока смены не будет. В общем, старому аппарату было предложено уступить место новому. Новые мало чем отличались от старых, но обещали бороться с гомосексуализмом, что, учитывая ситуацию сложившуюся с рождаемостью, было очень важно.

Самых непонятливых на время взяли под арест, за «взятки». Сразу привлеку внимание к тому факту, что министр Внутреннего министерства на прямую отвечает за внутреннюю безопасность страны. Ну, а к тому, что страна опыта – страна пространственная, и поэтому ей должны управлять не люди, а «звери», внимания привлекать уже не надо. На заре XXI века так случилось, что из всех министров страны опыта только один имел её гражданство. Нового в том, что министр одной страны получает деньги в другой, ничего не было. Так бывает часто. Новым было то, что раньше это было негласно.

Демократия в стране опыта оголила и эту традиционную халяву – предательство. Министру Внутреннего министерства предложили стать гражданином любой другой страны, но он почему-то отказался.

Этот факт не мог остаться незамеченным в «дружественных» со страной опыта странах. «Друзья» очень позаботились о том, чтобы «отказной по гражданству» министр возглавил ещё и партию власти, то есть партию, где большинство членов жили в стране опыта, но деньги получали из-за «бугра».

Сначала министр расценил это дополнительное назначение, как возросшее к нему доверие, но по мере знакомства с внутренними делами стал понимать, что влип, попался в капкан так, как, наверное, после Канариса* ещё не попадал никто. Хотя в начале XXI века ещё какой-то англичанин заметался в хаосе войн, затеянных США и Англией и видимо знающий их настоящие причины, отличные от тех, что снесли 11 сентября американские небоскребы, и вскрыл себе вены – это был знак.

Министр вдруг до мурашек на коже понял, что в стране, где внутренняя безопасность свелась к уничтожению проживающего в ней народа, он занял две «расстрельные» должности.

Если он будет поступать по совести, его «забьют» как «козла отпущения» за плохое руководство партией. Если он начнёт, следуя целям партии, истреблять свой народ, то его казнят как «врага народа», как министра, неправильно понимающего задачи партии. От открывшейся ему печальной реальности министр впал в глубочайшую тоску и перестал работать совсем. Собственно «друзьям» это и было нужно. Они лишний раз доказали, что русские не держат удар. Следовательно, их можно ставит что-либо возглавлять, но управлять дано другим. А министру, лидеру партии подарили санаторий для поправки здоровья. Он подарок принял, став совсем ручным.

Глава девятая. Диктатура на острове

Скульптор не приказывал, он указывал путь, причём всем, но, вот беда ориентиры видели только достойные.

Первое, что сделал Диктаткрат, так это, самое простое: провёл перепись всего того, что оставил ему на острове Демонкрат. Не густо. Хозяйство было подорвано основательно.

Пират и Ваня сидели, потупив очи, и уже не пили, а только пригубляли ром из пластмассовых стаканчиков. На месте прежде зелёной макушки острова зияла «чёрная дыра», в которой булькали «слёзы Демонкрата». Кругом валялось много разного мусора, оставленного воюющими ватагами в переходный период, то есть в тот период, когда Демонкрат рыдал, а Скульптор оставил их без своего догляда. Тела убиенных лежали повсюду. Их число равнялось числу оставшихся в живых. Это, пожалуй, было единственным равенством между ними. В остальном же они сильно отличались. Например, одежда на убиенных лучше сохранилась, особенно на тех, кто геройски пал в самом начале баталии. Впрочем, и тела убиенных, и тела живых не разлагались и не смердели по причине наступления зимы и прежнего питания насыщенного консервантами.

Диктаткрат велел Пирату переписать всех: ФИО, национальность особо, род занятий и прочее. Оказалось, что некоторые национальности выбыли. Диктаткрат не был садистом, он оживил убиенных. Пират облегчённо вздохнул. Он видел, что вытворяли эти ватаги друг с другом во время переходного периода, и не хотел такого пополнения для своих пиратов. Его пираты были всё-таки джентльменами, а эти более напоминали проходимцев. Они и прошли из демократии прямо в диктатуру. Хотя Пирату запала в голову мысль о том, что тут что-то не так. Уж больно легко прошли. Эти проходимцы намотали такую карму, что по мысли Пирата должны были, как и он сам, застрять между и, пытаться утонуть или всплыть вечно. Пират почувствовал радость своего скорого прощения и облегчения.

Когда Диктаткрат убедился, что численное и национальное равновесие на острове восстановлено, он всех построил в одну шеренгу, приказал сосчитаться и написать на груди свой номер и впредь произносить только его, раз имена собственные ранее не довели их до добра, и произнёс речь:

– Братья, будем копать. Отныне все министерства, ведомства, комитеты упразднены. Все на выполнение Опыта. Всем копать, рыть канал. На острове один начальник – Я, и два помощника в разных углах острова: Иван и Пират.

Тут занервничал попугай. Глупая птица мыслить не умела, но чувствовала исторический момент. Попугай высунул голову из кармана морского плаща Пирата и проворковал, глядя на Диктаткрата: «Давай поцелуемся». Сердце Диктаткрата дрогнуло и он позволил попугаю быть связным. Попка, не получив сразу по башке, осмелел и забрался на треуголку Пирата, где и начал гнездиться. Правительственная ватага перешла в управление Ивана. Ватага археологов и могилкопателей под управление Пирата. Ватаги рассосредоточились по острову и стали лениво ковырять землю.

Диктаткрат не хотел нарушать добрых традиций страны опыты и решил не отказываться от «посиделок на троих», да и за здоровье Демонкрата надо было тоже выпить, а то получалось как-то не по-людски. Демонкрат старался, но разве за этими ватагами уследишь.

Вместо пластмассового грибка на вершине острова теперь стоял роскошный замок, на котором развивался флаг с устрашающей надписью: «Культ личности». Посреди замка стояли крепкие столы с самыми замысловатыми яствами.

Под каждым столовым прибором была салфетка с такой же надписью, что и на флаге. Иван, чтобы угодить Диктаткрату, стряхнул с одной из салфеток рыжий волосок.

Надо заметить, порядок на острове Диктаткрат навёл образцовый и в кратчайшие сроки. Чтобы представителям страны опыта не лезли в голову глупые мысли, и не точил яд памяти о прежней власти, он им «нарезал» по хорошему участку земли, который они должны были копать. Это производственное задание конца не имело, так как демократию сменила диктатура. Следовательно, она вечна и первична. На всякий случай Диктат – крат изъяс из рациона ватаг яблоки и плоды смоковницы, мало ли чего, а вместе с ними и остальные продукты, оставив хлеб и воду.

Воли Диктаткрата хватало на всех. На приличном довольствии оставались только Пират и Иван, как контролирующие единицы, и одна УЕ* – попугай. По этому случаю был даже издан единственный Указ, он же Закон, он же Конституция.

Попугай обиделся на УЕ, что-то резало его слух в этих буквах, и он недовольно заговорил стихами на ухо Ване, как своему душевному другу:

«Ой, Вань, гляди – кось, попугайчики!
Нет, я, ей – богу, закричу!...*,

За что, тут же получил от Пирата взбучку, был лишён завтрака, обеда, ужина и отправлен с депешей на самый дальний конец острова.

Депеша приказывала копать веселей. Во время полёта попугай проникся основами диктатуры. За всё время полёта ему так никто и не дал пожрать. А на обратном пути Попка осознал и всю её пользу. Как только текст депеши дошёл до масс, работа на острове закипела на удивление дружно и весело сразу и везде.

А в это время в стране опыта, наконец-то, разобрались, что власть куда-то подевалась, и, как грибы после дождя, стали расти партии любителей пива, женщин, раков и даже политические, желающие «рулить» народами страны опыта. Поднял свои головы и Змей Горыныч, приползший прямо из райского сада. Одна его голова молилась часто и строго на Восток. В промежутках между молитвами она изрыгала пламя, которое пожирало всё вокруг и даже дальше, другая голова вертелась во все стороны, она была дряхлая и вся пушистая, поэтому ей нужно было прытко поворачиваться, чтобы не отшибли со святого папского места, тем более, что молодые головы уже устали ждать, когда же этот старичок отвалится. Та голова, которая была посередине, молилась на иконы, огрызалась на тех, кто мешал ей молиться, но беззлобно. Росли и новые головы. Одним словом Змей Горыныч сильно рисковал пропасть от перенаселения.

Итак, с получением депеши работа по рытью канала пошла веселее. Чтобы ватаги не мешали друг другу, они были разведены по краям острова. Правительственная ватага рыла с Севера, а археологическая, усиленная могилокапателями с Юга...

Чтобы моря океаны не обрушили свои воды в прорываемый канал, с каждой стороны было оставлено метров по 40 нетронутой земли. Иван и Пират были не сильны в гидросооружениях, поэтому строительство плотин, шлюзов и дамб оставили на потом и на авось. Да и не в канале дело а в направлении движения. Что же всё-таки первично демократия или диктатура?

Ну а в стране опыта каждую голову поддерживала, часто из последних сил, какая-нибудь партия, делая попытку соединить волю с идеей. Получалось плохо. Так в одно и то же время с попугаем над тем, что же такое УЕ, задумалась целая общественно – религиозная сила, которая тут же была опечатана и выселена из рая этой страны и переведена на местные деньги. Если бы эта сила знала, кому она обязана своими «несчастьями».

Обе ватаги вдруг осознали, что при демократии и в яме можно было дремать, а теперь план, кубометры и межватажное соревнование, инициатором которого выступил попугай, за последние столетия своей жизни он много чего понабрался и шпарил, не зная о последствиях:

«Одолеют они – без сомнения –
Лишний вес и Земли притяжение, –
Остаётся только ждать...
Мы желаем им удач
И счастливого возвращения!*

У Диктаткрата были проблемы «по жизни». Сила и Воля, и с Силой Воли, был полный порядок, но не хватало своих Идей. Поэтому он очень чутко относился к чужим замыслам, пусть и выдавая их за свои, и реализовывал их, чего бы ему это не стоило. Собственно ему это ничего и не стоило. Ватаги ещё были довольно упитаны и даже слегка пьяны от дарованного им Демонкратом рома, лопаты и кирки из рук их ещё не выпадали. Поэтому подсказка данная попугаем: «одолеют они – без сомненья» пришлось как нельзя кстати.

Диктаткрат объявил, что ранее раскопанный курган, превращённый в яму, ныне называется «Ямой слёз», и для того, чтобы сменить это грустное название, все должны дружно копать в сторону этой ямы. Кто первый докопает, того ждёт приз, награда и вечный огонь. Словом Диктаткрат дал старт соревнованию за светлое будущее. Но он опять так увлёкся возгласами попугая, что забыл, что задача перед ним стоит не просто рыть, а найти, что же первично: демократия или диктатура. Диктаткрат поддался влиянию попугая, и попка разошёлся не на шутку, подбадривая копателей и искушая Ваню и Пирата:

«На дистанции четвёрка первачей –
Каждый думает, что он-то побойчей,
Каждый думает, что меньше всех устал,
Каждый хочет на высокий пьедестал»*

Ваня и Пират отыгрывались на ватагах по полной программе, кирки высекали из камней искры, лопаты по рукоятки вонзались в землю. Ритм был задан. И тут почти одновременно лопата рыжего, бывшего члена правительства страны опыта, а ныне простого копателя, ударила во что-то железное, а кирка бывшего начальника экспедиции, а ныне также простого копателя, пробила дыру в камне.

Ватаги сгрудились возле находок. Пират и Ваня тоже не остались безучастными. Как выяснилось, рыжий, из правительственной ватаги, наткнулся на колосник крематория. Правительственная ватага быстро его раскопала и аккуратно сложила: отдельно остатки костей, отдельно таблички, как обнадёживающие, например: «Каждому своё», так и совсем безнадёжные, но не очень понятные по причине несохранившихся или затёртых букв, например: «ГУЛ...Г». Были и другие надписи, выведенные красивейшим, но непонятным для многих готическим шрифтом. Тот, кто мог разобрать смысл этих надписей, был в другой ватаге. Радовался только рыжий, он раскопал то, что так искал в яме – колосник из крематория для устрашения собратьев.

Археологической ватаге повезло больше, они обнаружили лаз в одну из научных шарашек, или закрытых лабораторий, или... Тем потрясающим открытиям, воплощённым в материю, тем шедеврам культуры и искусства, которые там находились, нет описания...

Хотя, один великий человек из этой шарашки, малость придавленный диктатурой, а обе ватаги обнаружили именно её следы, оставил весьма шутовское письмо потомкам:

«Угнетённый приветствует угнетателя! Ты спрашиваешь о нашей шарашке и хочешь узнать, что она поделывает. Она творит. Мне не дано знать, как ты будешь использовать наше творчество, да и какая мне разница, если именно тебе я обязан его откровением. Но помни, ты должен не изредка попадать, а изредка давать промах. Пока мы творим, ты попадаешь, как только перестанем, и ты исчезнешь. Будь здоров!».

Глава десятая. Послесловие к написанному

Раскопав далёкие от сотворения мира, но ближайšie к нашим дням диктатуру и демократию с переходным между ними периодом, который кое-где называли революцией, гражданской или даже мировой войной, копатели из археологической экспедиции решили, что задача выполнена. Само собой был торжественный митинг.

Все члены склонялись к тому, что первична демократия. У многих по ней родимой осталась ностальгия. И как иначе, если при демократии все были самостоятельны, у каждого был свой карман, а о том, что в порыве счастья от осознания личной свободы кое-кому не додали, кого-то вообще оставили голодным, а иных старались затоптать ногами, старались не вспоминать. Тем более, что и ранее обиженные, стали подумывать, что при демократах было лучше, так как и ныне при диктатуре лучшие кирки и лопаты расхватывали опять самые сильные. И получалось, что слабым хоть демократия, хоть диктатура – один «хрен».

О переходном периоде старались не думать, ибо так выходило, что колошматили себя совершенно зря и радовали кого-то другого.

На всякий случай решили проголосовать. По случаю референдума на тему: что первично, что вторично, к воде и хлебу были добавлены: Диктаткратом соль, Демонкратом сахар. Такой заботой Диктаткрат и Демонкрат вызвали крайнее волнение в рядах членов уже объединённой экспедиции. От волнения многие спотыкались, подходя к урнам для тайного голосования и, долго не могли попасть в щель бюллетенем. Наконец проголосовали все 100 процентов, и голосующие стали собираться в обратную дорогу, домой, в страну проводившую опыт.

Надо заметить, что насчёт подарков Демон – крат и Диктат – крат были большие мастера, но вот что-то считать, делить, измерять они не любили. Они больше оперировали такими понятиями, как бесконечность, множество, пространство и даже плазма. Вместе с тем, оба они уже полюбили эту экспедицию и совсем не хотели с ней расставаться, и, это было бы пол – дела, но они не хотели и уступать друг другу.

Конечно, можно было бы застрять навечно в переходном периоде, менять флаги и правительства над ватагами, но ни Демон – крат, ни Диктат – крат не любили разборок между собой. Пират и Иван на то время уже полностью вошли в доверие к обоим помощникам Скульптора, и подсчёт голосов был поручен им, чтобы, так сказать, всё по честному. Наблюдателем был назначен попугай. Именно он залетал в урну и вытаскивал оттуда смятые бюллетени. Всё было очень торжественно, не как в стране опыта. Пират и Иван сидели друг против друга. Пират, будучи большим знатоком демократии, подсчитывал голоса демократов, Ивану остались те, кто надеялся на диктатуру. Между Пиратом и Иваном на столе лежал выкопанный колосник, под который складывались бюллетени воздержавшихся, что бы их случайно не унесло ветром.

Бюллетени скапливались в основном под этим колосником, они были совершенно чисты, хоть и сильно измяты видимо дрожащими руками, а может и лапами попугая. Пират высказал догадку: «А ручки им дали?». Иван вспомнил, что к каждой урне был привязан карандаш.

Попугай, видя, что все вытаскиваемые из урны бюллетени попадают под колосник, решил услужить Пирату и Ивану и с очередным бюллетенем сел прямо на колосник, чтобы не утруждать их просмотром, за что получил взбучку и просветление мозгов. Он обиделся, залетел в урну и стал ворчать оттуда: «Соль и сахар, кнут и пряник».

Пирату пришлось нарушить торжественность момента, вытряхнуть из урны попугая вместе с оставшимися бюллетенями. Попугай решил покаяться. В последний, исторический момент ухватил самый нижний бюллетень клювом и склонил голову перед Иваном и Пиратом. Иван взял бюллетень и увидел чью-то попытку что-то написать, так как из буквы «Д» торчал грифель сломанного карандаша.

Так как было непонятно, за что хотел проголосовать избиратель, бюллетень также попал под колосник. К радости попугая выборы были признаны состоявшимися, но без определённого результата.

Пират, как и положено, доложил о результатах Демонкрату и Диктаткрату, те в свою очередь Скульптору. Скульптор слушал их и точил карандаш. Карандаш он считал не самым худшим из своих творений, другое дело руки, которые его держали. Но в этот раз и руки не подвели.

Скульптор внимательно посмотрел на своих помощников и велел им отдыхать, пусть люди сами сделают вывод под лёгким присмотром Ивана и Пирата. Так начинался застой на острове.

Часть вторая

Глава одиннадцатая. Застой

Застой – это наше всё. Святоши объяснили нам, что нет над нами никого кроме Бога единого. Это правильно, а дальше? Дальше мы стали додумывать сами и разнообразить знания. Одни пребывают в вечном покое не видя что даже трава растёт, другие мечутся, суетятся и главное во всё суются. С суетливыми проблем больше. И опять приходит на ум вечный вопрос: «Кто командует парадом? Чья, мы, проблема?».

Пират озвучил всем членам экспедиции результаты референдума и добавил, что отправление домой откладывается, так как большинство членов экспедиции не определилось, что первично, что вторично. Возникла перепалка – это араб начал мутузить еврея, так как только араб видел, кто сломал карандаш. Их долго не могли разнять.

Араб упрекал еврея в том, что со своим иудаизмом еврей только и делает, что поклоняется монетаризму, продуцируя под него разные формы общественного устройства, такие же «измы»: капитализм, империализм, фашизм, социализм, коммунизм. Были бы деньги, а «изм» под них всегда найдётся. Еврей мягко замечал арабу, что лучше поклоняться деньгам, чем кому-то другому. Кому он не говорил, побаиваясь получить тумачков от одного странного представителя страны опыта, определяемого как казак.

Когда шум стих, вперёд вышел Иван и продолжил за Пирата, объявив, что есть и хорошая новость, хотя и предыдущая была не плохая.

Новость эта состояла в том, что всё отдано на рассмотрение членов экспедиции: копают и выясняют, что первично, а что вторично, и плывут домой, не копают – живут на острове.

Больше всех слова Ивана возмутили американца, он дерзко спросил: «Кто ты такой?». Пират осадил американца, сказав, что Иван с ним, и что если кто-то недоволен русским Духом, то замучаются «пыль глотать», и вообще...

Тут грянул гром, и ударила молния. Попугай едва успел увернуться от её удара, слетев с треуголки Пирата. Молния испепелила треуголку, всю одежду и деревянную ногу Пирата. Он было качнулся и уже начал падать, как вдруг у него выросла нога, и его накрыла монашеская сутана. Он сбросил с головы капюшон и сказал: «Вот так»

Обе ватаги узрев такое чудо и, при этом не пострадав лично, решили быстро разбрестись по острову «от греха подальше». Пусть Иван общается с монахом, если ему больше делать нечего.

Ватаги никто не строил ни в одну шеренгу, ни в затылок друг другу, никто ими не управлял, поэтому они почувствовали себя самостоятельными.

Самостоятельность, правда, проявлялась самым странным образом.

Замечу только, что, как и положено, все привлечённые для проводимого опыта страны, приславшие своих чистокровных, национал – патриотических граждан, получили сначала главное задание от своих правительств – шпионить за всеми подряд, а уж потом копать. Связь была, но диктатура всех малость поприжала, с киркой и лопатой «до связи» ещё дожить надо.

Но в очередной островной период, а может быть и целую эпоху, всё зависит от размеров острова, а размеры то его как раз не уловимы, шпионские страсти закипели с новой силой. Они кипели и бурлили даже сильнее, чем в демократической яме.

Опять замечу, и не потому, что я тяну на «гомо сапиенса», а возможно только потому, что я там был, мёд пиво пил, ну и т. д. Замечу, что на том месте, где грибок с надписью «МаГ-доналдс» сменил роскошный замок с флагом «Культ личности», теперь торчала высоченная

башня, собранная из каких-то железных труб. Вся башня была утыкана какими то антеннами, а на самом верху висел лозунг: «Застой».

Слово было мудрёное для всех, кроме представителей страны опыта, а их бегало по острову не много не мало, аж, 200 человек, ибо и страна была многонациональна. Кое-что слышали об этом слове и на других материках, но уже самой планеты. Но тут есть подозрение, что это от того, что страна эта в своё время сильно постаралась, и очень может статься, что при ближайшем рассмотрении все бы оказались одной земной патриотической национальности.

Был, правда, один представитель коренной национальности, коренной потому, что все остальные островитяне решили, что уж если суждено им будет покинуть этот «чёртов» остров, то этого представителя они на нём оставят, чего бы им это не стоило. Конечно, речь идёт об еврее.

Так уж случилось, что еврейские грани или корни в себе никто видеть не хотел, между тем большинство хотело денег и легко дурило друг друга, если подворачивалась такая возможность.

Так вот, еврей ходил и всем говорил, что Ваня как всегда принизил остроту, судьбоносность момента этим пустым словом «застой», а на самом деле остров вступил в новую эру – эру «центризма». Про центризм островитяне вообще ничего не знали. Они видели, что из ямы, где была разрыта демократия, которую сменила диктатура, теперь торчат камыши, и попугай, качаясь на них, учит говорить лягушек, и что вырытый ими канал по приказу Диктаткрата порос бурьяном.

Действительно, всё походило на застой. Только башня не ржавела и служила ориентиром для НЛЮ, субмарин и диких птиц, устремившихся к острову для поправки настроения своих подданных от всех стран, помогающих стране опыта.

Опять замечу, в иное время они бы к острову не приближались. Опасно, то галера, то правительственный катер, то крейсер, но в стране опыта пропала всякая власть.

И если на острове без власти можно, то вокруг острова в разных странах желающих по – рулить ватаг было видимо не видимо, а в это время Монах, за прежнюю дружбу и славную службу, предложил Ивану «слетать» в отпуск на Родину и посмотреть, есть ли ещё потребность в результатах поиска и выяснении, что первично демократия или диктатура.

Глава двенадцатая. Родина

Ваня выполнил данное ему поручение. Он тщательно изучил все новые мысли и картины жизни, присущие его землякам в стране опыта. Более того, он внёс в жизнь людей и кое-что своё, островное, уловив из разных космических шумов причины, по которым жизнь людей была именно такой, какой они её видели. Внесённое им было понято земляками как конец света для одних и начало для других. И это потому, что Ваня, обладая массой талантов, толком ничего не знал. Он просто чувствовал основы мироздания и смутно помнил, что там, где тень, должен быть и свет, а там, где воры, должна быть и альтернатива. В общем, пока одни «тырят», другие их пасут.

И Родине Ваня быстро убедился, что только совсем не продвинутые земляки ещё верили, что «тырить» можно скрытно от посторонних глаз. Увы, давно были установлены тарифы на те или иные должности, жизни и т. п. Кто-то неведомый, просто кому-то позволял украсть мало, кому-то много, а потом отдать украденное за чиновничью должность, чтобы воровать по закону, а кому – то не позволял. Это на Родине....

Ваня даже «черкнул» научный трактат на эту тему, совсем не заботясь о том, что в одних руках трактат становится предметом изучения, в других предметом обогащения, а в третьих может стать и оружием.

Сумевшие совместить три эти не совмещаемые вещи становятся избранниками тех или иных академий и даже лауреатами государственных премий. Правда, на его Родине бывали случаи, когда авторы рукописей становились классиками при жизни, и это делало их весьма щепетильными в выборе наградодателей.

Они с радостью принимали первую награду, но затем, «сияя» в лучах славы, отказывались от всех наград, видимо забыв вкус чёрствого ржаного хлеба.

Жизнь в славе открывала им глаза на теневую сторону тех, кто кормился от их творчества, и делиться с ними творцам становилось не в мочь. Такие праведные поступки усложняли жизнь тех, кто шёл вслед за ними. Наградодатели понимали, что выгодней щедро одаривать «серость», чем литературных гениев. Серость не будет возникать. Какое-то время такая позиция наградодателей себя оправдывала. Стоит вспомнить «знаменитых» писателей МОССОЛИТА, описанных М. Булгаковым, чтобы убедиться в правильности пути наградодателей. Но тут их ожидала другая напасть. Если гений отказывался от заслуженной награды, то его сторону принимали редкие чистые души, коих было немного, но они были земной совестью и её могуществом. Беда от гениев сводилась к тому, что и наградодатель мог почувствовать лёгкий стыд за свой несправедливый поступок, вызвавший возмущение гения, но ведь мог и не почувствовать. К счастью, на Родине Ивана люди в массе своей считали, что если гений не берёт, то он зажрался. С «серостью» было как раз наоборот. Она плодилась невероятно быстро. Премий на всех «жуликов» не хватало. И те, кого обделили, становились сущим бедствием. Они начали писать матом, а так как родное, типографское оборудование перегревалось и ломалось от подобного «ужаса», то печаталась серость в основном за рубежом, но в стыд вводила родную страну опыта.

Причём, в стыде пребывало почти всё её население, включая и самих наградодателей, которые старались быть хотя бы внешне приличными. Поэтому постепенно от больших и громких премий отказались, оставив маленькие.

Маленькие премии, маленькие писатели, маленькие критики, маленькие тусовочные министры, маленькая страна и т. д. Маленькая страна – это был первый вывод, который сделал Иван на Родине. И в качестве доказательства и отчёта перед Монахом приобрёл песенку с однотипным названием.

Но маленьких премий стало больше. Если человек был «хороший», готовый делиться, но совсем не знавший родного или иного языка, но очень хотевший получить премию, то учреждали премию за самое дурное, глупое и т. д. произведение. Критерий был один, человек должен быть свой. В остальном был бы повод для премии.

Отдохнув в отпуске, Ваня чувствовал себя полностью опустошённым, разбитым, но Монах молчал и обратно на остров его не отзывал.

Ваня впал в уныние. Он бродил по Родине, напевая старую песню: «Сейчас по Нью-Йорку холодно, а может быть по Лондону, а может по Мюнхену бродит он, Смоленский мальчишка Иван...». Он рассматривал витрины магазинов и редких ухоженных женщин. Одна из таких женщин заставила его вспомнить, что главным вдохновителем мужчин на разного рода творчество в стране опыта является женщина. Этой осенившей его мысли он очень обрадовался и решил найти свою Музу. В своих тайных мыслях он надеялся на такое вдохновение, которое бы позволило ему стать для неё единственным классиком чего-нибудь здесь на Родине, а если повезёт, то и на века.

Вот только Ваня забыл на этом «чёртовом» острове, чем именно женщина вдохновляет. И он начал поиск этой единственной нужной ему части целого.

Надо заметить, Ваня был хорош собой и быстро оказывался в объятьях Муз. Две три бурных ночи и два три дня в разговорах о жизни обычно исчерпывали Музу полностью.

Дальнейшее становилось просто невыносимо. Ваня никак не мог понять, в чём тут дело. Почему уже через несколько дней ему становится так плохо, что хоть добровольно и досрочно обратно.... Но, если задан вопрос, должен быть и ответ на него.

Однажды он с собутыльником сидел в гостинице с громким названием «Славянская» под каким-то черным квадратом в рамке, называемым мировым шедевром. Собутыльник говорил ему, что этот чёрный квадрат является мировым шедевром, но в стране опыта у него другое предназначение, назидательное, ибо от крупных банков и денег здесь остаётся только эта картина.

Сидели, пили, курили, смотрели по сторонам, ожидая приключений, как вдруг собутыльник весь напрягся, увидев совершенно роскошную женщину. Он нервно бросил Ване: «Подойди, узнай сколько стоит?»

Ваня не понял и переспросил: «Кого спросить?»

– Вон шалава идёт, спроси сколько она стоит, – повторил собутыльник.

– Ты что, она же женщина и до чего хороша, – обиделся и одновременно восхитился Ваня. Но это небрежение по отношению к женщине заставило Ваню о многом задуматься.

Следующую Музу он уже внимательно слушал и понял, от чего именно ему становится так плохо.

Он всё время целил в Музу, а попадал в сейф для денег, да ещё с кассовым почасовым счётчиком между ног. А денег у него не было никогда.

Ваню это первое самостоятельное открытие расстроило невероятно.

Он даже стал подумывать о деньгах и их количестве для счастья и вдохновения, но решил, что лучше сначала впасть в запой. Ведь не случайно же поголовно вся мужская часть населения его Родины беспробудно пьёт.

Он подумал, что водка – это лучшее обезболивающее средство от защемлённых «сейфом» яичек. И запил по-тихому, но в «глухую». Из всех возможных собутыльников он выбрал телевизор. Каждый день телевизор дарил ему новый тост.

Он «перечеловал» всё демократическое крыло Государственной Думы, пока она боролась за право бракосочетать мальчиков и девочек от 14 лет, так как вместе с Думой полагал, что таким маленьким сейф между ног ещё установить не успели. Но когда он уже готовился слиться с телевизором в «думском» экстазе, кто-то за кадром сказал ему, что тост в данном случае совсем другой. Просто воры хотят породнить свои награбленные капиталы через ещё не созревшие гениталии своих чад, избежав очередного кровавого передела, с одной стороны. С другой стороны, «падлам и быдлам» надо увеличить пенсионный возраст, только от начала рождения, а не от начала старости.

Голос этот Ваня, вновь став на родине шалопаем пропустил мимо ушей, так как он теперь твёрдо знал, что жизнь на его Родине подвешена не в Думе, а на острове или хотя бы в Космосе. Голос был аппозиционный. Ваня не любил аппозицию и страстно облизал какую-то вертящую депутатку на экране телевизора, которая требовала для себя либо мужика, либо клона для быстрого зачатия.

Аппозиция не отставала, и Ваня чуть не разбил экран телевизора, когда Дума объявила борьбу гомосексуализму, лишая последней радости трезвых мужиков с дикого острова. От этого необдуманного шага его удержал очень симпатичный бородач с одновременно бешеными и блудливыми глазами, который говорил, что Думе нужно совершить подвиг, иначе её разгонят.

И что подвиг Дума может совершить только справившись с «голубыми» мужиками, так как их одолеть легче, чем баб правильной ориентации. Такой «воплъ» души «мозгана» из Думы Ване был понятен.

Он ещё дня три чокался с этим бородачом, пока того не наградили медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и не повысили, предоставив право на деле доказать свою

исполнительную потенцию возглавив какой – то Нижний город. Надо заметить, такой поворот событий кому – то не очень понравился, и на его Родине установились холода до минус 45 градусов по Цельсию, которые сменили затяжные дожди, в результате которых смена климата слилась в одно сплошное бедствие для всех его земляков и не только.

Бывали дни, когда Ваня допивался до «чёртиков» и в каждой телеведущей видел принцессу. Тогда он начинал звонить на телестудию и требовать встречи. Телестудия его каждый раз приводила в чувство, мягко объясняя, что в те «сейфы» даже целиться бесполезно, а платить надо ещё до включения телевизора.

Из запоя он вышел в день рождения своего уважаемого земляка Володи. Одна песня, как «мёртвая вода», успокоила и вылечила его: «Тут за день так накувыркаешься, домой придёшь, там ты сидишь». Рядом она не сидела, и он решил, что пить пора заканчивать. Вторая песня, как «живая вода», вдохнула в него жизнь: «Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал». Он ещё что-то помнил о кратере, об острове, и его потянуло обратно. Но что-то не пускало....

Ваня бесконечно слушал песни своих земляков. Их песни бальзамом проливались на его душу: Высоцкий, Визбор, Митяев. Он даже нашёл старые записи с голосом Николая Рыбникова и слушал: «Ковырай, ковырай, ковырай. Суй туда палец весь. Только ты этим пальцем в душу ко мне не лезь».

Он совершенно отстранился от окружающего его мира. В итоге, в его памяти начались примерно те же процессы, что и на больших сибирских реках весной: где-то уже гладь, а где-то огромные ледяные торосы.

Он всё знал, всё умел, был вполне общественным человеком, но никак не мог вспомнить в каком именно обществе его, Ивана, место. Его уже давно ничто не волновало и не радовало в знакомом ему обществе. По долгу он мог разговаривать только с кошками и собаками, да ещё с зеркалом, глядя в него. Чувства будили в нём только увечные люди и животные. Его глаза наполнялись слезами даже при виде кошки с отрубленным хвостом.

Ваня уже вышел из того радостного возраста веры в чистоту идей идущих «сверху», когда призывая к единению народа ставят монументы его ополчению.

Общество, в котором он жил, не понимало его. Вокруг него все суетились, бежали наперегонки за деньгами, ставя друг другу подножки. Упавшие редко могли подняться. Ваня очень хотел быть как все, но бежать никуда не хотел и поэтому был всем чужой. Он часто менял место жительства, чтобы сделать очередную попытку приспособиться к этому обществу и ждал, когда же откроется второе дыхание.

Но какое – то смутное чувство присутствия чужого в его собственной жизни вновь тормозило его. Он не знал, с чего начинается собственная жизнь, отличная от жизни других, но чувствовал, что такая жизнь возможна, и искал. Его трактат об островитянах мало что ему дал, он даже не понял, почему именно Монах отправил его в отпуск.

Ваня вроде всё понял, всё увидел, но что – то не давало ему покоя. Да, люди по-прежнему были грешны, но не более чем тысячелетия назад. Любой правитель дня сегодняшнего мог сравниться с одним из Цезарей дней минувших.

Да и богатые евреи сегодня также могли похвастаться тем, что совершили сделку в тридцать серебряников, изменивших мир. Но вроде мир стал мельче. Вроде ум одиночек «высох».

Вроде и общество «бежало» вполне дружно, в общем стаде, подгоняемое массовыми религиями и массовой культурой. Но что тут нового, и где та таящаяся опасность, которая заставила правительство страны опыта выяснять, что первично: демократия или диктатура, и отправить его на такое нелёгкое задание? Что изменилось? Раньше Цезари осуществляли террор по отношению к многочисленным народам, сегодня Вожди терроризма делали то же самое.

Озарение пришло неожиданно. Он уехал в родимую глушь, чтобы прийти в себя и спокойно умереть, что, как ему казалось, пора было сделать. Умирал Иван сутками, лёжа на

диване. Однажды раздался громкий стук в дверь. Ваня с большой неохотой поднялся с дивана в надежде, что стук больше не повторится. Увы, кто-то настойчиво продолжал заявлять о своём присутствии. Ваня открыл дверь.

Перед ним стоял заплывший жиром мужичок лет 50 с блудливыми глазками. Мужичок, прямо с порога заявил Ване, чтобы он перестал «трахать» его супругу.

От такого неожиданного обвинения Ваня даже начал перебирать в памяти всю свою сексуальную географию не за одну прожитую жизнь и с удивлением открыл, что этот захолустный городок в ней не значится. Он с ещё большим изумлением посмотрел на странного мужичонку, представил себе его супругу и спросил: «А сколько ей лет?». Мужичок, ожидал чего угодно, но только не такого вопроса, поэтому и ответил машинально: «Пятьдесят три».

Ваня улыбнулся, глядя на жирное брюхо, свисающее поверх штанов, обиженного супруга и сказал: «А всё равно, пошли пить водку». Мужичок заметно повеселел. Да и кто на его Родине не забудет даже о любимой супруге, если зовут пить водку. Ваня со своим новым знакомым нажрался как свинья. Мужичонка оказался не таким уж и плохим человеком.

Правда, в жизни его интересовали только два дела: еда и рыбалка. Между этими делами ему удалось зачать несколько детей, но своим он считал только одного, которого как и его интересовали только еда и рыбалка.

И вот этот факт, что только один ребёнок похож на него в своих желаниях, и породил в нём «смутные» сомнения запоздалой ревности.

А так как в городе, где поселился Ваня, только его одного не интересовали еда и рыбалка, то он, мужичонка, и пришёл с претензиями к нему.

Ваня ожил, он опять становился тем беспечным шалопаем и бабником, каким был всегда. Он от души стал подтрунивать над этим мужичком: «Конечно, ты сидишь себе на берегу с удочкой летом или над лункой зимой – медитируешь. На одном конце червяк, на другом конце... А ей на хрена такая медитация, вот и взгрустнулось».

Ваня, посмеиваясь над незадачливым супругом, знал, что не причиняет вреда его жене. Её супруг был занят любимым делом, он жрал и значит ничего вокруг не видел и не слышал. Тарелка перед носом для него была той же лункой во льду.

И тут Ваню озарило. Общество вокруг него, это же общество из сказки «О потерянном времени». Вокруг него одни дети с зачатками идей, чувств, совсем не развитых, детских. Да и были ли они взрослыми, если родители с пелёнок загрузили их своими детскими страстями. Может быть, всё вокруг него – это «дребезги», сырьё чего-то другого. Сырьё, которое, так и не успевая чем-то стать, исчезает мелкой пылью.

При таком раскладе ревность это серьёзная заявка на то, что ты есть, существуешь. Но тогда выходит, что для окружающего его общества пороки – это единственная заявка на право выделиться, на право быть. Другая сторона медали им не ведома. Пороки привели общество к термоядерной бомбе и полётам в космос, а при таком хаосе в умах это действительно опасно.

Мужичок уже был так пьян, что не мог держать стакан. Он наклонялся к нему, отхлёбывал и кивком указывал Ване, чтобы тот не забывал подливать.

Ваня впервые выбрался в «люди» в этом захолустном городке и с интересом осматривался. Они сидели в ресторане. Мужичонка был гидом, приведшем его в этот очаг местной массовой культуры. Зал был большой. По середине зала под потолком на растяжках висел плакат, на котором с двух сторон было написано: «WELCOM ВЗМОРЬЕ». Пока Ваня и мужичонка пили, соседи менялись несколько раз. Ваня, давно смилившийся с тем, что его судьба – безучастно наблюдать мир, регистрировал события: это поминки, это день рождения, это второй день свадьбы, так как все пожилые, все орут горько и целуются, но невесты с женихом нет. Ближе к ночи дневные группы стали расходиться, оставляя по три, четыре человека, ещё не добравших своего счастья.

Ровно в 23 часа на сцену вышла разбитная бабёнка с пышными открытыми грудями и плотными ягодицами, которые облегалo красное платье. Платье облегалo ягодицы так естественно, что создавалось впечатление об их самостоятельном существовании. Её зад же, в целом, вообще вызывал бурный восторг. Раздались дружные аплодисменты. И она, упёршись руками в бока, запела... по-французски и под аккордеон.

Аккордеон был тем инструментом, который больше всего мог растревожить душу Ивана. Он спокойно переносил даже скрипку, но аккордеон пробуждал в нём огромный пласт чувств. Он иногда задумывался, почему аккордеон почти не звучит на больших сценах и в массовых аудиториях. Почему люди не знают великих аккордеонистов. Ване стало необыкновенно хорошо. Он осмотрелся вокруг. Ночная жизнь «била ключом». Ему хотелось бесконечно долго оставаться в этом состоянии радости и счастья. Отовсюду орали на бис: «Веруня, давай Марсельезу».

Веруня немного пококетничала и опять запела. Голос звучал легко и свободно. Голос был «чертовски» красив и силен. Ваня поймал себя на мысли, что голос этот ему странным образом знаком.

Но мысль эта быстро отлетела от него, оставив одно недоумение: с такими формами и голосом и в этом захолустье. Он слушал и слушал Веруньку, аккордеонист играл виртуозно, в его игру вплеталась и «Варшавянка», «В землянке», «Очи чёрные», и даже «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой». На Ивана накатила новая волна мыслей. Он начал думать о том, что совсем не знает городка, в котором очутился, и его так потянуло на ночные улицы, что он встал и вышел из ресторана, оставив дремать за столом наевшегося мужичонку.

Свежий воздух, тишина и тонкий провинциальный аромат, в котором ощущается запах цветов и долго не убираемого мусора, только усилили благодущие Ивана. Он с интересом стал рассматривать заведение, из которого только что вышел. Здание было крепким, старым, каменным, кое-где окрашенным в жёлтый цвет. Вертикально висела вывеска «ВЗМОРЬЕ», горизонтально «BRODOWEY». Эти надписи окончательно привели Ивана на вершины счастья, и он расхохотался. Городок освещала только луна. Городок был пуст, городок спал. Иван был наедине с созданными людьми творениями. Это было чудом, вот так, просто оказаться в рукотворном мире, покинутом его жителями.

По вывескам на домах он догадался, что находится прямо в «сердце» города. Рядом с рестораном был рынок, рядом с рынком – администрация города и магазины. Культуру отражала доска почётных граждан города, начинающаяся с портретов директоров местного завода и заканчивающаяся их замами. Всё это венчалось памятником недавнему вождю, стоявшему, как и по всей его Родине, спиной к зданию администрации местной власти и лицом на большую дорогу.

Луна была почти единственным источником света в городке. Ваня смирился с этим, как вдруг из – за очередного дома ярко засветилась реклама. Это был «\$». Доллар сиял, освещая всё вокруг синим светом. В его свету чернел крест. Ваня обомлел.

Доллар сиял над православной церковью, очень сильно напоминавшей осколок католического костёла. Ваня, как «мотылёк», пошёл на свет. То, что он увидел, стало его озарением. Церквушка, в виде непонятного готического сооружения, была пристроена к огромному панельному зданию, в котором размещался сбербанк, прокуратура, фонд содействия налоговой полиции, нотариат и ещё целый ряд государственных и не государственных учреждений, и всё это упиралось в грязную привокзальную площадь. Этот памятник людскому «маразму» открыл ему тайну людских душ. В их душах было примерно также, как в этом доме. Поэтому он и Ваня, и, одновременно ещё кто-нибудь, что «всякого разного» в нём было даже больше, чем в этом городишке. Это открытие потрясло Ивана. Он пытался себя успокоить, что не он первый увидел и понял, что город «Глупов» – это и его душа. Но он то понял, а Верунька, для чего-то разучившая Марсельезу, а аккордеонист... Монах отозвал Ивана обратно.

Глава тринадцатая. Застой – продолжение

Островитяне, видя пассивность руководства, осмелели и «урвали» себе по метру островной земли. Конечно, не просто так урвали. Все страны, помогающие стране опыта в выяснении, что первично, а что вторично, так увлеклись этим процессом, что готовы были продолжать его бесконечно или хотя бы до тех пор, пока бюджеты позволяли.

Главное в этом деле правильно соблюсти пропорции, что копателям-шпионам, а что себе, и не ошибиться. Так как ни страна опыта, ни какая-то другая сила кормить всех сразу не хотела, то и народ весь разбрёлся. Конечно, каждому копателю, в конце пути были обещаны разные блага, вплоть до пожизненной пенсии, поэтому энтузиазм даже в период «застоя» сохранить удалось. Все начали рыть свой «собственный» метр под соседа. Словом, все страны отдали своим подданным приказ рыть дальше и по продуктовому набору с тюбиком горчицы.

В итоге под всем островом пролегли глубокие шахты и подземелья. Сверху вроде всё спокойно, камыш шумит, лягушки квакают, копателей совсем не видно, а внизу ватаги мутузят друг друга, забыв о застойном отдыхе и предвкушая пенсионную заслуженную халяву и даже какие-то дивиденды с островных акций.

Первым встревожился попугай, он теперь только квакал, так как говорить ему было решительно не с кем. К норам, ведущим под землю, он подлетать боялся, имея опыт выщипанных перьев. Монах дремал. Ваня, хоть и вернулся из отпуска, но куда – то пропал.

Монах дремал, а Ваня ходил по острову и что-то искал. Побывав в отпуске, послушав Веруню, до него внезапно дошло, что ответ, как правило, лежит на поверхности, а не глубоко под землёй, но не все об этом догадываются.

Итак, пока все сидели по своим норам, Иван гулял по острову в сопровождении попугая, который квакал ему на ухо. Остров был девственно чист, как и положено в период застоя. Застояться может только «человек разумный», а без него природа развивается прекрасно во все стороны.

Воздух был чист, лягушки квакали, попугай им вторил, травка зеленела, море билось о скалистые берега острова и ласкало его песчаные берега.

Вдруг попугай забеспокоился, слетел с Ваниного плеча и уселся на что-то белое среди зелёной травы. Попка вцепился всеми лапами в свою находку и поднял невообразимый крик: «Демо-ква, Демо-ква». Иван еле-еле отобрал находку у попки. Находка оказалась записной книжкой, довольно хорошо сохранившейся и даже с именной принадлежностью. На бело-жёлтой обложке размашисто было написано *О. Бендер* [16], а чуть ниже, *Стенограммы заседаний – 190_г..*

Иван что-то такое слышал, но забыл где и когда. Он открыл записную книжку и стал читать:

Заседание № 1

Председатель: Остап Сулейман Бенга Мария Бендер

Господа присяжные заседатели: Паниковский, Балаганов, Тихон, Инполит Матвеевич

Приглашённые: Александр Яковлевич, Отец Фёдор и др. жулики – тяжёлое наследие царского режима.

Повестка дня – застой в рядах..., дальше страница была порвано попугаем.

...Паниковский высказал мысль, что новая власть обречена на застой, стагнацию и т. д., так как убрав городского с перекрёстка, учредила ГПУ [17] и решила передать всю власть народу.

Он вопрошал, обращаясь к Балаганову: «Шура, на что я буду завтра жить? Шура, кто завтра будет работать, если всю власть отдадут народу? Шура, к кому в карман я смогу залезть? На что станет жить бедный Паниковский?».

Ипполит Матвеевич, этот гигант мысли, отец русской демократии, согласно кивал. Балаганов, похожее, так же не считает себя народом. Он даже заплакал, жалея Паниковского, и оставил на своём грязном лице следы чистых слёз.

Я спасу ситуацию. О Рио....

Иван испытал предвкушение тайны. Он знал, что в стране опыта, его стране, его, Ивана, коренного жителя, все считают дураком.

Он даже привык быть дураком. Иногда, правда, брал дубину и начинал вышибать «дух» из всех подряд, меняя мировоззрение целых народов и их взгляд на свои персоны. Тогда все дружно начинали говорить о величии Ивана и даже ставить часовенки, церквушки, памятники ему и зажигать вечные огни. Но дураком Ваня был только с виду. Да и как ему было не прикидываться дураком, если Иван любил всё, кроме денег. С деньгами у Вани были не лады. Ваня, сколько не старался, так и не смог понять, Что с ними делать? и Кто виноват в том, что их нет? Все вокруг него деньги куда-то вкладывали, откладывали, копили, а он их пропивал. Хотя было, чего лукавить, одно ответвление семени Ивана – старообрядное, которое старалось быть тверёзым, но и те не столько копили, сколько страдали. Да и как тут не страдать. Накопишь денег, зароешь их в огороде, а тут, трах-бах, денежная реформа. Остальные же жители в стране опыта любили деньги и не любили Ивана.

Но Иван был не так уж и глуп, чтобы не понимать этого, и не так свят, чтобы обходиться одной дубиной. От большой тоски, вызванной непониманием всеми его, Ивана, души, он придумывал разные финансовые схемы «на троих». Схемы эти периодически делали всю страну опыта не только нищей, где все были равны, но и давали редкую возможность всё начать сначала. Иван был очень даже общественный человек, любил гостей, поэтому и аргументация своих поступков у него была «железной»: «Нужду легко делить на любое количество людей, а богатство трудно делиться даже на двоих».

И ещё он признавал только богатство души, а деньги всегда связывал с нуждой.

Ваню смутила в записной книжке *О Бендера*, запись «застой». А Ивана интересовало начало. Начало, где же начало всего?

Иван, побывав в отпуске, порассуждав на трезвую и пьяную голову, понял, что всё, что они нарыли на острове, относится к XX веку, и он помнил что XX век венчал застой. Демократия, диктатура и переходный период «обломились» об этот застой и породили перестройку. Но, как выходило из записей *О. Бендера*, застой был вначале.

Ваня растолкал Монаха, который после удара молнии постоянно дремал.

– Хватит спать. Родина в опасности.

Монах: «А, это ты. Какие вы все чумные возвращаетесь из страны опыта, какие дикие».

Ваня: «Тебя бы туда».

Монах: «Прошло, теперь спокоен».

Ваня: «Тут вот что. Попугай нашёл записную книжку, хочу тебя спросить...».

Монах: «А что попугай?».

Иван: «Попка орал: «Демо – ква», – и не хотел мне её отдавать.

Попка ужасно обрадовался пробуждению Монаха, а ещё более тому, что его вспомнили, и опять забубнил: «Демо – ква, Демо – ква».

Монах: «Покажи книжку».

Иван отдал книжку Монаху.

Монах: «Я такую книжку видел у Демонкрата, но он ничего не теряет, только подбрасывает. Ты её прочитал?»

Иван: «Только одну страничку и хочу спросить, что мы тут ищем начало или конец? Эта книжка началась с застоя, но мы застоём (Ваня посмотрел на флаг, развивающийся на башне), вроде как заканчиваем.

Монах: «Читай дальше. У Скульптора свой отсчёт».

Монах опять задремал, и снились ему вороны толи на руинах акрополя, толи на руинах английского замка. Словом, снились ему руины и вороны, а может быть каркающие вороны.

Глава четырнадцатая. Остров странности

Хочу напомнить начало этой повести. Напомнить на правах автора, в некотором роде конечно. По крайней мере писал сам, и по клавишам компьютерной клавиатуры тоже стучал сам, имею полное право напомнить.

Помните Пирата и его знаменитое: «Ну, ну», – или Попугая и его: «Пиастры, Пиастры, Демократия, Демократия»?

Кто много читает, тот, наверное, меня уже одёрнул, заявив, что не было такого у Роберта Льюиса Стивенсона. Кто знает? Если мы там с вами и были, то всё равно забыли, а вот Пират был. Он есть и будет, как есть и Попугай. Так вот, на этом острове герои разных времён и эпох, которых на Земле принято считать лишь героями литературных произведений, оживали самым необыкновенным образом. Жили они самостоятельно и запросто могли принимать лики своих авторов. Островитяне могли видеть Пирата, а могли видеть и Стивенсона, смотря от своего желания и умения.

Мелькнула галера с носовой частью в виде головы пуделя, но многие поняли, что это привет от Михаила Булгакова. И записная книжка *О. Бендера* не вызвала сомнений у Ивана, что это привет от Ильфа и Петрова, что они где-то рядом чудят, продолжая свой роман. На острове оживали герои, которым не суждено быть забытыми никогда, не суждено умереть никогда. Но если не суждено умереть героям литературных произведений, стоит ли говорить о бессмертии их авторов.

Только самым бестолковым землянам, никогда никого не любившим и по этой причине никогда и ничего не чувствующим, можно напомнить, что у пессимизма есть другая сторона – оптимизм. Всё зависит от угла зрения и мысли.

Правда, островитяне чувствовали и ещё кого-то, объединявшего всех писателей и их литературных героев, но только чувствовали, а видеть не видели. Почему?

Предположу, как было в стране опыта: сидит писатель на стуле за письменным столом в окружении окурков, бутылок, вещей, забытых такими же друзьями писателями. Сидит, значит, ждёт. Чего ждёт? Может жену, которая, не выдержав творческих порывов, давно ушла, может кредиторов, а может просто гонца, отправленного за очередной бутылкой и сигаретами. Сидит как всякий нормальный человек, ждёт прихода нормальных людей и совершения нормальных событий.

Но какой нормальный дурак или дура придёт к писателю? Ответ очевиден. Но вот тут-то и начинаются странности, можно угодить в скульптурный ансамбль, этакую панораму, в которой тебя сразу и не разглядишь, пока не присмотришься, а можно быть сияющей, хоть и слегка нетрезвой скульптурой, но о которую обязательно споткнуться, даже если хотели обойти. Поэтому к писателю всегда приходит кто-нибудь от Скульптора, Муза например.

Приходит Муза и давай вдохновлять писателя словами, а он только записывать успевает. Тяжкий труд, скажу я вам. Когда всё запишешь, то даже не усталость чувствуешь, а полное опустошение и трезвость необыкновенную, а вместе с ней и весь ужас страны опыта. Но это в стране, а на острове слова утрачивали всякий смысл, их потихоньку вытесняли образы.

Думали ребятишки что сами и впервые всё делают, а оказалось по аналогии. Более того, члены экспедиции археологов, капая землю вокруг себя и, роя норы друг под друга, по причине застоя, упёрлись в гранитный камень, на котором со всех сторон были высечены слова:

«Я ЕСМЬ лишь то, Что ЕСМЬ Вселенной Смысл! –
Запомните все фразу бытия, что из ступеньки «Я»

Вы переходите лишь в ЕСМЬ, Любовь Творя!
Вы постигаете ЕСМЬ Мироздания,
Что много выше вашего понимания!
А что за ЕСМЬ стоит?
Ту тайну ваш Отец-Творец пока хранит.
Растите, милые детишки,
И знайте, не нужны вам больше книжки!
У вас есть ВСЁ! Сумейте лишь открыть...» [18]

Когда до камня докопали, Иван тоже думал: «на право пойдёшь..., на лево пойдёшь...», а оказалось, пришли уже.

Словом, пришло время расставаться со Словом, привычным словом, привычной книгой, что за этим? А для чего копают-то. Но это скоро, а пока на острове стали проявляться литературные герои, которые пойдут дальше вместе со всем человечеством по его пути эволюции. Видимо и для них, очередной цикл завершается, чтобы дать начало новому. Кто-то останется, кто-то уйдёт. Пробегись, читатель, бегло по книжным переплётам, много ли книг ты хочешь открыть. То-то и оно....

Глава пятнадцатая. Записи О. Бендера

«Паниковский в панике, Балаганов в слезах, но заседание продолжается. С такими присяжными я никогда не попаду в Рио-де-Жанейро, надо брать инициативу в свои руки.

Итак господа присяжные заседатели! Есть две вещи, ценимые в мире. Деньги и социальные услуги.

Паниковский, вам, конечно, ближе деньги, особенно если они лежат в ваших карманах, а вам, Шура, как сыну растущему без отца – социальные услуги, так как вы, Шура, всё равно не знаете, что делать с деньгами.

Паниковский: А вам, Бендер, что ближе?

Бендеор: «Мой папа был турецко-подданный, поэтому я привык совмещать и то, и другое с общим благом всего человечества.

Балаганов: «Как это?»

Бендер: «Я разовью свою мысль, когда-нибудь она дойдёт до вас. Итак, что мы имеем? На одном полюсе – «большинство» из народа, на другом – меньшинство недобитых собственников. Большинство из народа придумало столько новых видов социальных услуг, что уже успело выдохнуться, так не претворив и половины из них в жизнь. Меньшинство собственников имеет столько денег, что не знает куда, и на что их потратить. Обе стороны нуждаются в нашей помощи. Обе стороны нуждаются в наших молодых и здоровых силах».

Паниковский: «Я уже стар».

Бендер: «Паниковский, хватит ныть. Вас, Паниковский, придётся временно закопать. Пока все были зрячи, а вы слеп – было ваше время, теперь нужно прозреть вам, а другим ослепнуть – это будет наш вам гонорар за вашу безвременную кончину. Пышных венков, горьких слёз и рыданий не обещаю, но лежат, Паниковский, вы будите на холмике, солнышко будет согревать вас своими лучами. Через сотню лет, а может быть и раньше, вы, Паниковский, выпотрошите все карманы. Это обещаю вам Я, Остап Ибрагимович Бендер.

А пока вы будете нежиться в солнечных лучах, нам с Шурой предстоит трудная и опасная работа. Шура, вы готовы к трудной и опасной работе?

Балаганов: «Всегда готов».

Бендер: «Итак, Шура, как единственные и самые любимые дети лейтенанта Шмидта, мы с вами, Шура, сегодня учреждаем Союз молодёжи, и ваша, Шура, готовность прозвучавшая в словах «Всегда готов» должна стать нашим знаменем.

Впрочем, посмотрим, есть ещё и дети, а там, где социальные услуги – всё лучшее – детям. У вас, Шура, есть дети?

Балаганов: «Нет»

Бендер: «Тогда тем более, отдайте им свой лозунг. Будем, Шура, скромнее. Например, «Дашь молодёжь».

Паниковский, не спите, вас ещё не закопали, и помните, вам придётся обирать тех, кого «освятит» наш союз. Шура, вам поручается возглавить это нелегкое дело: молодость, энтузиазм, строительство нового мира.»

Паниковский: «А городского вернут?»

Балаганов: «Паниковский, как вы можете, в такую минуту...».

Паниковский: «Я ему исправно платил, а он исправно брал».

Бендер: «Паниковский, определитесь с выбором. Или вы хотите быть среди тех кто платит, или среди тех, кто берёт.

Продолжим заседание, господа присяжные заседатели. У меня, как вы понимаете, самая трудная задача – расчищать молодым дорогу, молодым, так сказать, везде у нас дорога. Короче, Шура, вы начинаете приставать ко всем, от лица Союза молодёжи с просьбами дать на дальнейшее развитие социальных благ, а я от лица Союза начинаю интересоваться, почему не дали, куда дели, где наши деньги?».

Дальше в записной книжке шли имена и фамилии, а рубрика называлась «Счётная палата О. Бендера», но это другая история.

Глава шестнадцатая. В стране опыта

Пока Иван на острове изучал записную книжку О. Бендера, кое-кто в стране опыта постигал мудрость книг Ильфа и Петрова, которым когда-то удалось проникнуть в мысли Остапа через текущие мысли страны опыта того периода. К великому счастью, особенно для правительства страны опыта, народ этой страны не видел «дальше своего носа» ничего, и, например, беспризорные дети на улицах воспринимались как наследие свергнутого режима. Режимы менялись часто, поэтому и детишки росли в основном самостоятельно. Один из последних режимов в стране опыта носил название – коммунистического.

Но кое-кто был чертовски любопытен, проводил аналогии, и делал сравнения: такой, понимаешь, паразит на теле страны опыта. Так вот, он вычитал в книге Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», что во времена Остапа тоже были беспризорные дети – сироты, только тогда как тяжёлое наследие царского режима. Режимы поменялись, наследие осталось. Этот кое-кто задумался, режимы из кожи вон лезут, спасают страну опыта и беспризорных детишек, а она во всё тех же волнах. Если бы дети не подрастали, возможно, всё было бы нормально.

От попрошайек беда не велика, но они, чёрт бы их побрал, растут, а дальше: «А что, папаша, не плохо бы нам винца выпить», а ещё дальше, страшно подумать: голубые воришки, гиганты мысли, духовные лица с принципами о тайне исповеди и т. д., вплоть до членов правительства и депутатов государственной думы.

Замечу, что в стране опыта все верили только «своим» мыслям. Но по мере событий на острове и прозрения Вани вдруг многие начали соображать, что эскиз утверждён, и нужно только нарисовать «картину», но в стране опыта рисовать было решительно некому. Эскизы же делали все кому не лень. Но опять же, кто-то всё время смеялся над теми, кто делал эскизы.

Действительно, что можно написать в деревне с названием «Переделкино»? Там можно только вечно править и переделывать эскизы. Или, например, «Планерское», – название непо-

нятное, толи «План», толи «Планер», в любом случае «пролетает». Был когда-то в этой стране царь, который сбежал от своей дворни на сырые и дождливые берега холодной и быстрой реки впадающей в такое же холодное море. Так, несмотря на поганые климатические условия, вся дворня из столицы за ним увязалась. Царь был тронут «преданностью» своей дворни и ради неё перенёс столицу. Героический был мужик. «Умнуший», ни чета нынешним. Ведь додумался же, что для развития страны надо столицы менять, а дворня всегда к вождю прибьётся. Вот это был сюжет.

Словом, кое-кто в очередной раз решил спасти страну опыта. Он быстро нашёл Кису, ныне довольного обогащённого новым опытом, данным ему Остапом, мудрым так сказать, техническим руководителем. Кисе в новом времени жилось как никогда хорошо. Он заседал в Государственной Думе, где просил подаяния на французском, на немецком, на английском и, по случаю, на других языках. Словом жизнь удалась.

Недалеко от Кисы всю рулил Паниковский, рядом с которым крутился и Балаганов, русская, девственно чистая душа. Паниковский, наученный «гусём» тому, что красть бывает опасно, отдал все недра страны опыта Балаганову, разумно полагая, что кто-то их считает, следовательно «придут за объяснением в другом месте», но на всякий случай провозгласил недра своей собственностью, а вдруг не придут.

Сам же Паниковский возглавил то, что производит «эфирный» продукт, ну там электростанции, теле и радио каналы и т. д. Он правильно полагал, что в случае объяснения в другом месте поди разберись, сколько чего было, и сколько осталось, особенно если всё то, что производило, закрыть, а бумаги потерять. Паниковский развернулся не на шутку, Остап держал слово.

Но это знал Ваня на острове, а кое-кто думал, что всё под контролем. Какой контроль, если Паниковского так пригревало солнышко на холмике, что он решил вспомнить все свои обиды в кратчайшие сроки. Но возникал другой вопрос: «А на хрена это надо Остапу, да ещё через 100 лет?» Если Остапа деньги не интересовали в принципе тогда, то едва ли они его интересуют и сейчас. Другое дело идейная борьба за денежные знаки.

Но тогда и экспроприация денежных знаков была увлекательнейшим занятием.

А что в стране опыта ценимо сегодня? Где искать О. Бендера? В рыночных отношениях – для него мелко, в политике – он не «жертва аборта», по церквям – «религия опиум для народа», а он не был наркоманом. Где? Все спецслужбы страны опыта были брошены на поиски Остапа, конечно с благими намерениями: найти и пригласить возглавить своих достойных учеников, ибо энергию в стране опыта его ученики стали «вырубать» регулярно, чем сеяли невообразимый хаос, впрочем, рубя сук, на котором сидели.

Опять же, Балаганов знал только одну сторону дела – добычу, а другую – добыл – восполни, например, качнул нефть, налей в дыру воды, или поскрёб уголёк, засыпь дыру, не знал совсем. Тут стала «возникать» сама Земля – то землетрясение, то ураган, то наводнение и т. д. Одним словом, жуликов полно, Остапа нет, процесс не управляем. Этот кое-кто стал даже подумывать над всеобщей катастрофой в стране опыта, так как разворованное перестало восполняться, не только в недрах, но и в принципе. Раньше бензин украл, ослиной мочи в бочку налил, даже прежде чем государственную козну опустошить, сначала лишнего приписывали. Природа не терпит пустоты. Становилось страшно. Спасло страну опыта то, что на далёком острове Ваня уже прочитал записи о «Союзе молодёжи» и вёл диалоги с монахом.

Глава семнадцатая. Диалоги на Острове

Ваня не умел размышлять углубленно, но его сердце всегда сопереживало мысли. Ему было жаль старого Паниковского и детей лейтенанта Шмидта. Откуда – то снизу на него нахлынула прохлада, принеся странные звуки: феодализм, капитализм, империализм, социализм,

коммунизм, фашизм, либерализм, глобализм и даже центризм. Он давно отвык от этих звуков, так как с верху слышны были другие.

Всё перепуталось в мозгах у Ивана, но он испытал странное желание познать истину. Лет триста об истине он знал только то, что она «в вине», и ещё то, что «сквозь дно стакана видно небо». Но с тех пор, как он оказался на острове, что-то не складывалось. Была и какая-то иная истина, которую ему надо было вспомнить.

Он обратился к монаху. Причин обращения было две.

Первая, кое-какие чудеса, свидетелем которых он был сам.

Вторая, монах был единственным человеком на острове, который безучастно относился ко всему и никому не мешал. Ему было абсолютно всё равно: демократия, диктатура, застой. Хотите сидеть по норам – сидите – свобода, понимаешь, выбора. А между тем, монах выглядел весьма творческим человеком.

Поэтому Иван пристал к нему с вопросами. Вопросы Иван задавал без всякой связи. Монах отвечал на них также, не особо пытаясь постичь то, где именно Иван находит свои вопросы.

Итак, они сидели под высоченной башней, утыканной, как утка перьями, разными антеннами и предупредительными огнями, и вели диалог:

Иван: «Монах, а правда ли, что для общения с нами Скульптор отдаёте предпочтение людям творческого труда, гениям и им подобным. Демон-крат и Диктат – крат, да и ты – ведь гении, как всё устроили?».

Монах: «Нет, Иван, это неправда. Скульптор открыт для всех и любит всех вас. Всё просто. Творческие люди, будь то писатели, поэты, художники, мастеровые, музыканты, в том числе и политики, свои контакты с ним сразу же перекладывают в книги, стихи, картины, изделия, скульптуры, ноты. А уже через них, через это Его творчество и все остальные могут приобщаться к тому, что он посылает вам.

Творческие люди постоянно настроены на волну общения с ним. В творчестве жизнь.

Те же, кто этого ещё не понял, являются простыми потребителями. Их больше, но и они причастны. Они ищут Скульптора по указателям творческих людей. Многие из вас задавлены грузом проблем, причиной которых сами же и являются. В постоянном решении своих проблем больше ничего не замечают, даже Его усилий помочь им. А если и воспринимают, то не умея освободиться от своей самости, своих столь «милых» уму проблем, Его посылки воспроизводят со своими поправками – это порождает то, что у вас называется массовой культурой или, как это называет простой народ Свистопляской.

То есть, переданное через неподготовленного человека Его откровение может быть сильно искажено и начать вредить многим.

В этом плане творческие люди действительно ближе Ему, но только как носители Его вестей в наименее искажённом виде. Страшно, когда в стране таких людей нет. Тогда остаётся одна свистопляска.

Иван: «Монах, объясните мне, пожалуйста, следующее, разве могут найтись на нашем острове люди, которые, даже веря в Его существование, откажутся признать Его после того, что с ними со всеми произошло, а уж если поверят, то тем более. Но если они все Его признают, между ними не останется конфликтов. Но, как известно, злым и жадным людям всегда и до всего есть дело, тем более до массовых проявлений Любви и Гармонии.

Представим себе ситуацию, когда большинством островитян, охваченных всеобщей Любовью, попытается завладеть какой-нибудь «умник», объявивший себя именно тем, кого все так ждали, «дорогим и любимым вождём, товарищем и братом», тем более, что нам, жителям страны опыта, такие примеры очень знакомы и по-прежнему близки. Монах, и ты бы мог это сделать. Прости, если мой вопрос показался тебе не очень корректным и уважительным».

Монах: Я это и делал будучи пиратом, всех и всюду возглавлял, пока ногу деревянную не приобрёл, хорошо ещё что не голову. Только потом понял, что никого возглавлять не нужно.

Наоборот, впервые на этом острове так открыто и повсеместно вам предлагается право своего выбора! Либо вы продолжаете метаться между добром и злом, захлёбываясь и утопая в порождённом злом дуальности, либо свободно парите в Любви, Согласии и Гармонии не только друг с другом, но со всем Космосом, который вы также начали загрязнять.

Есть Высший Космический Разум и мы, люди, как часть его – творцы. Творец добра – прекрасен, творец зла ужасен, но нужны оба. Хотя и разница есть. Добро творить труднее, но и награда выше и название её вечность.

Была такая цивилизация Атлантида, так вот она пала исключительно благодаря тому, что выпущенный «из бутылки» джин в виде денег стал неуправляемым и над Землёй нависла нешуточная угроза уничтожения. На земле остались только творцы зла. Скульптору легче было уничтожить эту цивилизацию, чем рождённую им планету. Как напоминание о тех днях он оставил Бермудский треугольник, где вроде всё хорошо и спокойно. Тепло, море плещется, но всё куда-то пропадает. Так изучайте, думайте. А вы что делаете? Вы повторяетесь. Атлантические союзы создаёте, блоки разные, монитаризму поклоняетесь. Это уже было, и это уже на самом дне.

Пойми, Ваня, что любой, пожелавший возглавить вас умник, должен будет вас, милые мои, Любить, причём любить всегда, вечно. Если бы на Земле сегодня были люди, способные так любить, вопрос о том, что первично, а что вторично, а практически о спасении Земли, так остро бы не стоял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.